

A romantic scene between a devil and a woman in a gothic setting. The devil, with large horns and a muscular build, is embracing the woman, who has long, wavy blonde hair and is wearing a purple, shimmering dress. They are in a room with large, ornate candelabras and stained glass windows in the background. The overall atmosphere is dramatic and sensual.

В руках у Сокрушителя 2

Дом между мирами

МАРГАРИТА КИРОВА

18+

Маргарита Кирова

В руках у Сокрушителя
2. Дом между мирами

«Автор»

2026

Кирова М.

В руках у Сокрушителя 2. Дом между мирами / М. Кирова —
«Автор», 2026

Когда-то я мечтала сбежать от огромного рогатого генерала Тарка Варра обратно на Землю. Теперь у меня собственное дело, опасные тайны древних порталов и мужчина, без которого я уже не представляю свою жизнь. Дверь домой почти открыта. Вот только за право пройти через неё придётся заплатить куда больше, чем мы рассчитывали. Мой Сокрушитель по-прежнему умеет рычать так, что у меня подкашиваются колени, а от его прикосновений я забываю все разумные доводы. Но теперь этому властному зверю предстоит самое трудное — научиться отпускать меня. А мне — понять, где мой настоящий дом. Ведь самое страшное не оказаться между двумя мирами. Самое страшное — однажды открыть дверь и не увидеть его по другую сторону.

© Кирова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Два кресла и три катастрофы	6
Глава 2. Накладная из другого мира	11
Глава 3. Портал по чертежу	15
Глава 4. Бюро, которое слишком дорого стоит	18
Глава 5. Регент учится ждать	21
Глава 6. Неправильная дверь	24
Глава 7. Трещина в чужом доме	27
Глава 8. Условия безопасности	30
Глава 9. Право на дорогу	33
Глава 10. Сколько вещей нужно для конца света	36
Глава 11. Дома на краю Пепла	39
Глава 12. Дом, где никто не помещается	42
Глава 13. Генерал на старой войне	45
Глава 14. Камень помнит	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Маргарита Кирова
В руках у Сокрушителя
2. Дом между мирами

В РУКАХ У СОКРУШИТЕЛЯ
Книга вторая. Дом между мирами

Глава 1. Два кресла и три катастрофы

К десяти утра я успела поспорить с плотником, потерять счётную книгу и выяснить, что одно из заказанных кресел приехало без ножки.

Последнее оказалось особенно обидным: кресло должно было стоять в доме старейшины, который вчера полчаса объяснял мне, что мастера его клана веками обходились без всяких «земных выдумок». Я хотела вручить ему два кресла — оба удобных, оба целых — и наблюдать за тем, как убеждения вступают в противоречие с собственной спиной.

Пока от этого противоречия страдала только я.

— Ножка есть, — сообщил Брум из-за двери склада.

— Где?

В ответ там что-то тяжело стукнуло, потом заскребло по полу.

— Отдельно.

— В таком случае у нас не кресло, а загадка из пяти частей. Покажи.

Он появился в дверях: в одной руке держал кресло, в другой — массивную резную опору. По лицу Брума я поняла, что в объяснении нуждается не столько отсутствие ножки, сколько причина её отделения от остальной конструкции.

— Я хотел проверить, выдержит ли крепление.

— И как?

Брум приложил резную опору к пустому пазу. Она встала криво.

— Не выдержало.

— Замечательный опыт. Осталось записать результат и не проводить повторный при заказчике.

Брум вздохнул и осторожно поставил кресло боком на рабочий стол. Он уже научился не извиняться каждый раз, когда задевал что-нибудь тяжёлое, но вокруг дорогой мебели всё ещё двигался с выражением человека, от которого ждут стихийного бедствия. А ведь причина чаще была в мебели. Тауры делали предметы, способные простоять три поколения, и почему-то закрепляли их ножки двумя слишком короткими шипами.

Я присела, приложила опору к гнезду и проверила глубину пазов.

— Передай Крогу. Здесь нужен новый крепёж. Смотри: если расширить паз и опустить соединение на два пальца, нагрузка уйдёт в стойку. А это... — Я покачала опору. — Украшение на честном слове.

— Круг скажет, что так делал его дед.

— Отлично. Пусть дед и садится.

Брум усмехнулся, затем вспомнил что-то и помрачнел.

— Счётная книга у Гарри. Она сказала, чтобы вы перестали прятать расходы под эскизами.

— Я их не прячу.

— Она велела передать именно так.

Я выпрямилась. Со дня открытия бюро «Дом на своём размере» прошло три недели, а Гарри успела обзавестись привычкой появляться в любой комнате, где я только собиралась принять неразумное решение. Даже сейчас её не было рядом, и всё равно мне захотелось проверить, чистые ли у нас полки.

На столе ждало ещё два дела. По одному из них заказчик просил уменьшить дверной проём настолько, чтобы в него перестали пролезать взрослые тауры. По другому — устроить в детской спальне камин без дымохода, потому что дымоход «испортит узор стены».

Я перечитала второе письмо. Подпись внизу была размашистой и уверенной. Такой подписью можно было продать даже камень.

— Брум. Кто принял заказ на камин?

Он отвёл глаза.

— Никто. Я только сказал, что вы посмотрите.

— Правильно сказал. Посмотрела. Запиши отказ. Объясни, что дым должен куда-то выходить.

— Они считают, что его удержит магия.

— Тогда пусть сначала найдут мага, который согласится спать в детской и удерживать дым каждую ночь.

Брум записал. Писал он медленно, сосредоточенно, с высунутым от старания кончиком языка. Огромные пальцы уже не мешали ему вести маленькую книгу; я настояла, чтобы переплёт сделали шире и не приходилось всё время сжимать листы между когтями. Иногда прогресс выглядел не как порталная рама, а как правильная ширина поля.

В кабинет заглянула Нера — молодая человеческая мастерица, которую Круг прислал помогать с чертежами на неделю. На щеке у неё белела полоска опилок.

— Госпожа Воронцова, с вами хотят говорить.

— Если по поводу камина, меня нет.

Нера не ушла. Только стёрла большим пальцем опилку с щеки.

— По поводу денег.

Я отложила карандаш.

— Тогда меня совсем нет.

Она не улыбнулась.

— Он говорит, что вы обязаны принять его заказ. Потому что живёте с регентом.

Я подняла голову.

— Вот теперь я есть.

Посетитель ждал у широкой стойки. Высокий таур с бурными рогами, тяжёлым шерстяным плащом и кольцами на всех пальцах стоял перед нашими образцами с выражением хозяина лавки, который случайно застал работников за разговором. Увидев меня, он даже не поклонился, только развернул свиток.

— Мне нужен зал для зимнего собрания. Срок — четыре дня. Расходы покроет Роггард.

— Доброе утро, — сказала я. — Меня зовут Алиса. А вас?

Он назвал себя. Имя было длинное, клановое; я повторила его с первого раза, чем он, кажется, остался недоволен. Затем забрала свиток.

На схеме зала размером с небольшой амбар было нарисовано двадцать восемь мест, два очага, помост и отдельный стол для вооружённой охраны. Людям на задних рядах пришлось бы сидеть за спинами охранников и почти не видеть выступающих. Три прохода заканчивались тупиками.

— Четыре дня не получится, — сказала я. — И за бюджет Роггарда я не работаю без распоряжения казначея.

Мужчина подался ко мне через стол, будто печать регента лежала у него в кармане.

— Генерал Варр вас поддерживает.

— Когда я забываю завтракать, тоже. Но это не даёт вам права выставять ему счёт за мою работу.

Он постучал пальцем по схеме зала.

— У моего клана особые заслуги перед севером.

— Я в этом не сомневаюсь. Обсудим проект? Два очага рядом с деревянным помостом я бы не оставляла.

Он поджал губы.

— Мне не нужны советы. Мне нужно, чтобы вы исполнили приказ.

Я положила свиток на стойку. Нера неподалёку старательно делала вид, что перебирает куски ткани. Брум перестал писать.

— У меня нет вашего приказа. Если вы хотите заказать работу, вот условия. — Я подвинула ему лист с расценками. — Если нужны услуги по ускоренному проектированию, цена будет выше. Но четыре дня всё равно не обещаю.

— Вы забываетесь, человеческая женщина.

— Бывает. Особенно когда разговаривают со мной так, будто купили вместе с мебелью.

Он потянулся к свитку так резко, что край зацепил стеклянную банку с образцами крепежа. Я успела подхватить банку; он не успел перехватить свиток, и тот развернулся до самого пола.

— Генерал услышит об этом.

— Наверняка. В замке хорошие стены, но слух через них проходит удивительно быстро.

Когда за ним закрылась дверь, Нера осторожно сказала:

— Он действительно пойдёт к регенту.

— Пускай. Я как раз собиралась вечером рассказать Тарку, что мои клиенты считают его кошельком с рогами.

Брум кашлянул, прикрывая рот ладонью. Потом кивнул на принесённое кресло.

— А кресло сегодня чинить?

— Сегодня. Иначе у нас завтра старейшина с одним креслом и всем запасом свободного времени для жалоб.

До обеда удалось закончить один чертёж, принять двух клиентов, разыскать счётную книгу и выяснить, что за прошлую неделю мы потратили на транспорт почти столько же, сколько заработали на мебели. Я обвела последнюю цифру. Гарра оказалась права, отчего день стал заметно хуже.

К вечеру я так устала, что перестала замечать собственный голод. Я стояла над планом дома смешанной семьи, измеряя расстояние между двумя дверьми, когда в кабинете неожиданно стало тихо.

Это был надёжный признак появления Тарка.

Он не имел привычки входить громко. Просто шесть больших тауров на лестнице внезапно начинали двигаться аккуратнее, Брум выпрямлялся, а у любого случайного посетителя появлялось желание проверить, хорошо ли завязан плащ.

— У тебя было свидание с едой, — сказал Тарк.

Я не подняла головы.

— Мы расстались по взаимному согласию.

Тарк не ответил сразу. Только медленно расправил плечи.

— Алиса.

Я ткнула карандашом в узкий проход на плане.

— Сейчас. Здесь нужно проверить, сможет ли мать пройти ночью к ребёнку и не задеть стол.

Он молча подошёл с другой стороны чертёжного стола. После ранения двигался уже свободно, хотя в конце дня осторожнее поворачивал корпус. Я замечала это и старалась не демонстрировать, как внимательно считаю каждый его шаг.

Рядом с чертежом опустилась тарелка: хлеб, сыр, тонко нарезанное мясо и яблоко.

— Я никого не увольнял и не закрывал бюро, — сообщил Тарк. — Только принёс ужин.

— Очень предусмотрительно перечислять заранее всё, за что тебя могут обвинить.

— Опыт.

Я отложила линейку.

— Мне осталось десять минут.

— Ты сказала это два часа назад стражнику у ворот.

— Значит, у меня хорошая память.

Он выдвинул стул. Не мой, слишком высокий, а тот, который Круг неделю назад переделал специально для меня. Сел напротив и принялся терпеливо ждать.

— Почему ты не спрашиваешь, что я делаю? — не выдержала я.

— Тогда ты будешь объяснять ещё час.

Это было подло. И справедливо.

Я взяла хлеб. Тарк дождался первого куска и только затем протянул мне сложенный лист.

— На заставе у Кромки повреждён склад. Ворн прислал отчёт.

Я перестала жевать.

— Опять обвал от сырости?

Тарк покачал головой.

— Пока не знают.

Я развернула лист. К описанию повреждений была приложена схема: длинная трещина, прошедшая от основания стены до арки старого входа. Кирпичи в районе дверного проёма были смещены на одинаковую величину, будто кто-то приложил к ним огромную линейку и сдвинул разом.

— Странно, — сказала я.

Тарк перевернул лист и провёл когтем вдоль линии трещины.

— Именно поэтому принёс.

— Надо проверить фундамент и историю перестроек. У вас есть старый план?

Он уже потянулся к соседней папке.

— Эльт ищет.

Тарк взял вторую половину яблока. Не торопил. На его запястье лежала тёмная лента нашего союза — теперь он носил её свободно, без узлов, которые нельзя развязать самому.

Я накрыла его пальцы своими.

— Сегодня вечером домой вовремя, — сказала я. — И никакой работы после ужина.

Тарк отломил кусок яблока, не торопясь соглашаться.

— Ты обещаешь?

— Я предлагаю договор.

Он прожевал, будто рассматривал условия.

— Тогда добавь в него, что ужин начинается до темноты.

— Это кабальное условие.

Он всё-таки улыбнулся. Не краем рта, не осторожно, а на короткое мгновение целиком. С таким выражением он выглядел совершенно другим человеком, и мне захотелось немедленно оставить чертежи, кресла и всю северную политику на Брума.

Я поймала себя на том, что всё ещё держу его за пальцы. Можно было отпустить. Вместо этого я провела большим пальцем по тёмной полосе на его запястье — там, где лежала лента нашего союза. Тарк перестал улыбаться, но руку не убрал. Его внимание изменилось мгновенно: не генерал у рабочего стола, а мужчина, который слишком хорошо знал, что я сейчас делаю.

— Ужин до темноты, — напомнил он тише.

— Ты ужасно пользуешься условиями договора.

— Я ещё ничего не сделал.

Это прозвучало достаточно двусмысленно, чтобы я подняла на него глаза. Он тоже понял. И именно в этот момент в дверь постучали.

Я выдернула руку первой. Не из стыда — просто Нера обладала редким талантом входить в секунду, когда работа снова становилась самым безопасным занятием в комнате.

Нера вошла с небольшим пакетом, обёрнутым земной на вид коричневой бумагой.

— От госпожи Ирвы. Сказала, для Алисы. Срочно, но без тревоги.

— Удивительно полезное уточнение, — пробормотал Тарк.

Внутри лежали несколько тонких листов, переданных через связную раму во время очередного короткого сеанса. Почерк моей матери я узнала сразу: она всегда слишком сильно нажимала на последнюю букву слова, будто подозревала бумагу в непослушании.

На верхнем листе была нарисована узкая дверь с тремя пустыми круглыми гнёздами.

Под рисунком мама написала: «Алиса, кажется, этот шкаф был далеко не единственным. Только, пожалуйста, не лезь никуда, пока не разберётесь».

Я прочитала записку дважды.

Потом медленно подняла голову.

— Тарк. Помнишь, мы собирались сегодня не работать?

Он взглянул на рисунок.

— Уже понимаю, почему ты спросила.

Глава 2. Накладная из другого мира

Мама прислала двенадцать страниц.

Из них четыре оказались накладными на давно сгнившие буфеты, две — описью стульев, которые я бы и бесплатно не взяла, а одна представляла собой спор торгового агента с человеком по фамилии Белов о стоимости перевозки сундука. Но на остальных страницах кто-то аккуратно, почти с любовью вычертил двери.

Я разложила бумаги на полу в моей комнате: письменный стол был завален чертежами, а общий уголок между нашими покоем ещё только существовал у меня в планах. Тарк сидел у камина и делал то, что обещал: не работал. То есть читал донесение, которое категорически не считал работой, поскольку бумагу принесли до ужина.

— Ты обманываешь наши правила, — сказала я.

— Я изучаю текст в свободное время.

— Донесение о дорогах — замечательное развлечение. Под конец там убийца оказывается мостом?

— Пока только подрядчик.

Мне пришлось отложить смех: на одном листе, у самого края, стоял знак, который я уже видела. Три загнутые линии образовывали круг, похожий на глаз. Такой был вырезан на шкафу, который утащил меня из мебельного центра. На новом рисунке глаз находился между двумя створками, а ниже были изображены три крепления.

Рядом шла подпись незнакомыми буквами и несколько чисел, записанных земной рукой. Числа насторожили сильнее надписи: кто-то переводил чужие размеры в понятную систему.

— Посмотри, — позвала я.

Тарк опустился рядом. Для этого пришлось сначала отодвинуть край ковра: его колено не помещалось между двумя стопками. Я торопливо перенесла бумаги с места, на которое он собирался поставить ладонь.

— Этот знак, — сказала я. — На старом шкафу был такой же. А тут дверной проём. Видишь два выступа у основания? Они не украшение.

— Опоры?

— Скорее съёмные блоки. Меня смущает третье гнездо.

Он наклонил рисунок к огню.

— Похоже на ремённое крепление, которым стягивают рамы осадных щитов.

Я ткнула карандашом в рисунок.

— Вот поэтому я показываю тебе чертежи. Ты умеешь находить в мебели военное применение.

— На моей памяти мебель часто применяли в бою.

Он кивнул на рулетку у кровати.

— Особенно рулетки.

Его взгляд скользнул к старой металлической рулетке, лежавшей у ножки кровати. Корпус после истории с Лиореном был поцарапан, и рычаг начал заедать. Круг трижды предлагал сделать новую, но я пока не согласилась. Некоторые вещи заслуживали пенсии, но я не была готова к этой потере.

— Твоя мать нашла это сама? — спросил Тарк.

— С помощью человека, который разбирается в старинных бумагах. Тут есть его пометки.

Я вытащила письмо. Мама сообщала, что приехала в архив бывшего склада вместе с реставратором старинной мебели по имени Павел. Он оказался педантом, не верящим в чудеса,

пока не увидел рисунки шкафа и запись с камеры. После этого перестал спорить с существованием порталов и начал возмущаться тем, как неправильно хранили находки.

Я почувствовала к Павлу уважение на расстоянии двух миров.

На дне конверта лежал отдельный лист. Мама перечислила, что успела выяснить о прежнем владельце шкафа. Путешественник действительно прибыл издалека; в старых документах его называли по-разному, и ни одна запись не позволяла установить, откуда он родом. После смерти его вещи много раз перепродавались, пока не попали на склад, ликвидация которого подарила моей бывшей начальнице самый неудачный товар за всю карьеру.

— Я должна ей кое-что сообщить, — сказала я.

— Матери?

— Нет. Той женщине, которая считала, что моё лицо недостаточно приветливое. Если бы она знала, что привезённый шкаф способен изменить государственное устройство другого мира, продала бы его как премиальную модель с доплатой за дверцу.

Тарк положил донесение на стол.

— В письме сказано, что она нашла ещё один механизм?

— Пока не нашла. Нашла его описание.

Я собрала листы в последовательности, в которой они, вероятно, лежали у старого владельца. Номера на полях не совпадали с номерами накладных, но в рисунках было заметно повторение. Сначала обычный дверной проём, затем рама, потом её детали и только после этого — три гнезда.

— Такой порядок бывает у инструкции по сборке, — сказала я. — У нас в мебельном центре ими тоже пользовались. Иногда. Когда переставали надеяться на талант грузчика.

Тарк осторожно разгладил загнутый уголок.

— Пойдём к Ирве завтра.

— Завтра у меня заказчик в девять.

Тарк загнул один палец.

— После заказчика.

— И совещание с Крогом.

Загнулся второй.

— После Крога.

Я посмотрела на него.

— Ты пытаешься меня уложить спать?

— Ты сама запретила работать вечером.

Он был прав, и это ужасно портило настроение.

Утром я обнаружила под дверью записку от Брума: «Заказчик, который вчера грозился регентом, забрал письмо с отказом. Требуется говорить с Гаррой». Ниже он приписал: «Она согласилась. Мне его жаль».

Я убрала записку в карман. Мир оставался удивительно прекрасным местом.

В мастерской Ирвы пахло горячей медью и чёрной смолой. Маги Трёх Башен успели занять столы так, будто готовились к экзамену, который никто не объявлял. Ирва встретила меня у двери с лицом человека, рассчитывавшего на спокойный день и получившего посылку из чужого века.

— Я рассмотрела символ, — сказала она без приветствия. — Где остальные листы?

— И вам доброе утро.

Она забрала папку.

— Доброе. Остальные?

Я высыпала бумаги на стол. На дальнем конце помещения висела связанная рама — та самая, через которую мы совсем недавно впервые увидели маму в моей старой квартире. Сей-

час металл казался обычным и тусклым. Мне пришлось удержать руку, чтобы не дотронуться до боковой стойки.

— Следующий полноценный сеанс когда? — спросила я.

— После сегодняшней передачи — через три недели, если расход силы останется прежним. Короткие письма можно передавать раньше, но голос и изображение требуют другого запаса.

Ирва пододвинула ко мне таблицу расхода, заранее пресекая торг.

— То есть маме ты сама не позвонишь и не спросишь, почему она прислала бумагу без подписи?

— Я могу отправить запрос коротким письмом, когда будут готовы накопители. Но ради неточной подписи расходовать полноценный сеанс не стану.

Я вернула ей таблицу.

— Я так и думала.

Ирва развернула самый старый лист. На рисунке под рамой была изображена небольшая съёмная пластина. Маг постарше указал на неё длинным ногтем.

— Здесь нет полного узла.

— А должен быть? — спросила я.

— Для перехода — да. Чтобы дверь определила направление, нужен пространственный узел. Человека она ищет по личному якорю. Проход удерживает властный ключ. Всё это не меняется только оттого, что древний мастер начертил дополнительные крепления.

— Я и не предлагаю отменить ваши законы. Я пытаюсь понять, зачем ему понадобилась сменная пластина.

Ирва задумалась.

— Если узел расходуется при полноценном проходе... — начала она.

— То можно сделать так, чтобы меняли узел, а не весь дверной проём, — закончила я.

— Как лампу в светильнике.

Маг постарше нахмурился.

— Лампу?

Он покосился на Ирву, словно надеялся, что она остановит разговор.

— Светильник останется, даже если перегорит источник света. Я бы не стала выбрасывать раму после каждого перехода.

— Маги не выбрасывают рамы, — сухо сказала Ирва и отодвинула от меня край схемы. — Обычно они уничтожаются сами.

Я вернула лист на место.

— Тогда вот вам и причина попробовать другую конструкцию.

Она не улыбнулась. Зато провела пальцем по чертежу ещё раз.

— Надо проверить архивы. Я видела этот знак не только на твоём шкафу. Кажется, он был в описи одного старого перевоза.

— Где?

— У Пепельной границы. Название я не помню.

Я вытащила карту северных земель из сумки. Она была свёрнута так плотно, что первая попытка разложить её едва не опрокинула чашку Ирвы. Прижав угол ладонью, я увидела знакомую метку: Кромка. Совсем недалеко от места, где сейчас треснул склад.

— Эта граница? — спросила я.

Ирва остановилась.

— Возможно.

Мне вспомнился отчёт Тарка. Одинаково смещённые камни. Трещина вокруг старой арки.

Совпадение могло быть случайным, но мне захотелось немедленно увидеть фундамент.

— Не будем пока ничего трогать, — сказала я.

Ирва подняла брови.

— Это ты сейчас сказала?

— Запишите, пока никто не забыл.

На выходе я наткнулась на Тарка. Он стоял в коридоре с Ворном и слушал доклад о северной заставе. При виде меня Ворн поправил папку под мышкой.

— Алиса. Нам нужен старый план строений вокруг Кромки. Нашли новые повреждения.

Я закрыла папку, которую несла.

— Какие?

Ворн переложил папку под другую руку.

— Подземный участок стены. И ещё один проём в доме, который тридцать лет стоит пустым.

Я посмотрела на Тарка. Вчера вечером он видел тот же рисунок, что и я. Объяснять не понадобилось.

— Сначала архив, — сказал он. — Потом решим, кто едет.

Ворн кивнул, но когда мы остались вдвоём, я поймала Тарка за рукав.

— Ты уже решил, что меня туда не возьмёшь?

— Я ещё не решил, кто вообще поедет.

Я отпустила ткань.

— Так лучше.

Он чуть наклонился ко мне.

— И я бы хотел провести один вечер, когда ты не будешь договариваться со мной о поездке в опасное место.

— У меня тоже есть мечты. Например, закончить кресла и увидеть, что счётная книга не кровоточит красными цифрами.

Тарк взял меня за руку. Не при свидетелях, не ради демонстрации. Просто так, пока мимо проходили двое слуг с бельём.

— Пойдём поедим.

Я собиралась возразить, но снизу, из замковой пекарни, потянуло горячим хлебом. Запах победил мою принципиальность.

До вечера оставалось ещё достаточно времени для катастроф.

Глава 3. Портал по чертежу

— Это не дверь, — сказал Круг.

Я положила ладонь на чертёж, чтобы он не свернул его в трубку.

— Никто не утверждает, что она уже дверь.

Круг ткнул толстым пальцем в надпись.

— На чертеже написано: «рама».

— Для портала.

Круг посмотрел на меня поверх медных очков, которыми пользовался, когда резал тонкие пазы. За его спиной трое помощников переносили на козлы новую дубовую балку. Все трое старались двигаться так, чтобы не оказаться между нами.

— Тогда пусть маги её и делают.

Круг уже повернулся к верстаку.

— Маги не умеют делать крепления, которые выдерживают боковой удар.

Он остановился.

— Я умею.

— Вот почему я к тебе пришла.

Он прищурился. Потом повернул рисунок боком.

— Здесь у вас паз узкий.

Круг провёл ногтем по линии на чертеже.

— Какой нужен?

— Не знаю, пока не увижу металл.

Ирва молча сняла ткань с приготовленной пластины и положила её на край верстака.

— Так покажите металл. Древний узел нельзя зажимать обычной струбциной. Его надо удерживать без давления на внутренние линии.

Круг поднял к потолку глаза.

— Значит, не зажимать, но удерживать. Это разные требования. Хоть раз скажите, что именно вам нужно.

— Мне нужно, чтобы оно работало, — сказала Ирва.

Я стукнула карандашом по столу.

— А мне — чтобы никто не потерял пальцы. Начнём с этого.

За пять лет в институте я узнала главное: если собрать за одним столом строителя, заказчика и специалиста по сложной технике, каждый обязательно будет считать остальных помехой. В Тауресе к этому прибавлялись магические узлы, пограничные войны и рога. С рогами, впрочем, было легче: они хотя бы видны.

Мы решили сделать маленький макет. Ни одного настоящего перехода. Квадратная рама размером с хлебный шкаф, сменные крепления, медные пластины с имитацией магической нагрузки. Ирва должна была показать, как расположить детали, чтобы направленная сила не разрушала опору. Круг — изготовить соединения. Я отвечала за геометрию и за то, чтобы снаружи не осталось ничего, обо что можно порезаться.

Брум принёс рабочие табуреты. Один из них сразу занял Круг, второй пришлось укреплять под Ирву, потому что у него отваливалась поперечина. Я присела на перевёрнутый ящик.

— Зачем так низко? — спросил Брум.

— Чтобы мои ноги доставали до пола и никто не принимал это за магическое чудо.

Он поскрёб когтем шею, подумал и приволок доску, которую положил поперёк ящика. Получился стол нужной высоты для черчения. За это я готова была ему простить недавнюю потерянную ножку.

Ирва провела на металлической пластине тонкую линию. Она засветилась тускло-синим.

— Представим, что здесь проходит слабый пространственный отклик, — объяснила она. — Не полноценный узел. Меньше силы, чем нужно, чтобы перенести монету через комнату. Достаточно, чтобы проверить, куда он направится.

Крог потрогал край пластины и немедленно отдернул руку.

— Горячо.

— Я предупреждала, — заметила Ирва.

— За пять секунд до того, как я дотронулся.

— Вы не спросили.

Я переписала на новом листе: «При включённой магии руками не трогать». Затем нарисовала рядом большой треугольник. Ирва посмотрела на него с сомнением.

— Что это?

Она коснулась кончиком ногтя моего треугольника.

— Знак, который поймёт даже человек, не умеющий читать ваш магический язык. Если он увидит его вовремя.

Крог перестал строгать и поднял голову.

— Ты сейчас обо мне?

— Нет, о следующем поколении мастеров, которое будет уверено, что знает всё лучше предыдущего.

Крог хмыкнул. Это считалось согласием.

После полудня мы получили рабочую раму. Она была некрасива: один угол стянули железом, медные нити свисали как простуженные усики, на верхней перекладине лежал груз, который Крог назвал временным, а Ирва велела не двигать. Но пластина вставлялась и вынималась без усилия.

— Получилось, — сказала я.

— Сначала проверим, — ответила Ирва.

Её помощник поставил на стол узкую чашу. Свет лёг на внутреннюю стенку рамы и отразился в зеркальной пластине напротив. Несколько секунд ничего не происходило.

Затем в отражении мелькнуло тёмное пятно.

Я наклонилась к раме и увидела на самом краю металла тот же знак с тремя загнутыми линиями.

— Его здесь не было, — сказала я.

Ирва быстро погасила магию. Пластина осталась холодной, но возле знака появилась тонкая сероватая полоса.

— Это старый отклик, — произнесла она. — Он отвечает на похожую конструкцию.

— Где отвечает?

Ирва не сразу нашла ответ.

— Не здесь.

Через час её помощник принёс архивный свиток с печатью северного гарнизона. В нём упоминалось древнее строение недалеко от нынешней Кромки: «Перевоз на Пепельном пути». В графе состояния значилось одно слово — «закрыт».

Никаких объяснений.

Мне хотелось спросить, кто закрывал переход, когда и почему. Но Ирва уже свернула пластину в ткань и запечатала ящик.

— До выяснения происхождения отклика испытания закончены.

— Согласна, — сказала я.

Крог пристально посмотрел на меня.

— Что? — не выдержала я.

— Ничего. Надо, наверное, сообщить Гарре. Сегодня два раза подряд случилось невозможное: маги признали, что не знают, а ты согласилась подождать.

Я показала ему карандаш.

— Тебе сколько пазов сегодня ещё вырезать?

Он улыбнулся и занялся работой.

Вечером Тарк вернулся поздно. Я встретила его у лестницы, пока он снимал мокрые ремни с плаща.

— Выглядишь как человек, которому пришлось снова объяснять совету, зачем нужны дороги, — сказала я.

— Пришлось объяснять, зачем дороги чинить до того, как они провалятся.

— Совсем невероятная мысль.

Он поцеловал меня в висок и задержался, прислонившись лбом к моей голове. Недолго: за нашими спинами проходили двое офицеров, которые немедленно заинтересовались гобеле-ном напротив.

— Из Кромки сообщили, — сказал Тарк тише. — Есть второе повреждённое строение. Старый склад.

Я показала ему запечатанную копию отчёта Ирвы.

— А в архиве мы нашли старый перевоз. Почти рядом.

Он перестал расстёгивать ремень.

— Давай в кабинет.

Я поняла, что ещё одного ужина без работы у нас не получится. И, кажется, впервые не стала его за это винить.

Глава 4. Бюро, которое слишком дорого стоит

Если военная комиссия обнаруживает на дороге трещину, её закрывают. Если плотницкая гильдия обнаруживает трещину в чужом договоре, она присылает троих представителей и требует чай.

Чай они, разумеется, захотели не обычный, а тот, который Гарра выдавала из особого запаса. Я предложила им наш рабочий травяной сбор. Старший представитель посмотрел на чашку с таким видом, будто перед ним поставили воду из сапога.

— Мы хотим обсудить положение вашего бюро, — сказал старший представитель.

Я подвинула к нему сахарницу. Он не притронулся.

— Давайте.

Старший представитель положил обе ладони на колени.

— Вы берёте заказы без согласования с гильдией.

Я отодвинула чашку, чтобы не зацепить её локтем.

— Я проектирую помещения. Если нужны плотницкие работы, заключаю договор с мастером. Часто с вашим.

Младший представитель сделал глоток и тут же поставил чашку слишком осторожно.

— Но заказчик идёт к вам, а не к нам.

— Он идёт ко мне за проектом. Потом вам достанется работа, которую раньше никто не мог объяснить толком. Где потеря?

Двое младших представителей переглянулись. Старший не заметил или сделал вид.

— Наши правила существуют давно.

— Это я поняла по стульям.

Он осторожно передвинул сиденье: наша мебель была рассчитана на человеческий рост, и колени таура не помещались под стойкой. Брум принёс ему другое кресло. Я поставила себе мысленную отметку: заказать широкое гостевое место, которое не будет выглядеть как трон.

— Вы приняли на работу Неру без разрешения её мастера, — продолжил старший.

Вот теперь разговор стал неприятным.

Нера стояла у двери, оттирая с пальцев мел. Услышав своё имя, она замерла.

— На временную оплачиваемую работу, — уточнила я. — Она делает чертежи. И делает хорошо.

Нера опустила руки.

— У неё нет права подписи по гильдейскому уставу.

— Она ничего не подписывает за гильдию.

Старший представитель наконец взял чашку, но пить не стал.

— Вы подрываете порядок.

Я отложила ложку.

— Я плачу человеку за работу, которую он умеет делать. Давайте вы покажете пункт устава, запрещающий это, и мы разберёмся вместе.

Старший медленно развязал кожаный футляр. Из него появился свиток с печатями. Проблема состояла в том, что пункт нашёлся. Не совсем тот, на который он рассчитывал, но достаточно близкий: ученики и подмастерья не имели права самостоятельно принимать работу вне мастерской наставника без письменного оформленного согласия.

Я почувствовала, как у меня потеплели уши.

Нера смотрела в пол.

— Я не знала, что вы всё ещё числитесь подмастерьем, — сказала я ей.

— Я сдала испытание, — ответила она негромко. — Только мастер не подписал бумаги.

Старший представитель кашлянул.

— После испытания требуется срок ожидания.

— Сколько?

Старший представитель кашлянул и раскрыл устав на заложенной странице.

— На усмотрение наставника.

— То есть хоть десять лет?

Он захлопнул книгу чуть резче, чем требовалось.

— Так никто не поступает.

Я посмотрела на Неру. Та молчала.

Спорить дальше, не разобравшись, было бы приятно и глупо. Поэтому я попросила копию устава, записала формулировку и предложила заключить временное соглашение напрямую с мастерской, пока вопрос о статусе Неры не будет решён официально.

Гости ушли с тем же кислым выражением, с каким пришли, но чай всё-таки выпили.

Когда дверь закрылась, я повернулась к Нере.

— Почему ты не сказала?

— Думала, это не важно. Я умею рисовать. Вы ведь проверяли.

— Проверяла. Но теперь к нашей работе могут придраться из-за бумаги, которую не подписал твой наставник.

Она смахнула мел с запястья.

— Он сказал, что женщине не обязательно становиться мастером. Можно остаться при чертежах. Иногда мне платят половину обычной ставки.

Мне захотелось немедленно пойти к её наставнику и заговорить тем голосом, от которого когда-то мрачнела моя начальница. Вместо этого я попросила Неру принести свой экзаменационный чертёж. Мы посмотрели его вместе. Это была прекрасная работа: грамотные опоры, ясная разметка, внимательные решения для стеснённых помещений. В двух местах я указала ошибки, в трёх — спросила, почему она выбрала именно такую конструкцию.

Нера отвечала уверенно, пока речь шла о дереве. Как только я предложила письменно подтвердить её навыки, плечи у неё опять опустились.

— Ваше слово ничего не значит для гильдии.

Нера сказала это спокойно, но край листа в её пальцах смялся.

— Возможно. Но я выясню, кто именно принимает испытания и как оспаривать отказ.

Нера качнула головой, всё ещё сжимая смятый край листа.

— Вам не нужно с этим связываться.

— Мне нужен хороший чертёжник. Это уже моя проблема.

Она впервые улыбнулась, очень осторожно.

На этом неприятности не закончились. Брум принёс счётную книгу. Оказалось, что мы неверно рассчитали цену доставки мебели в Белый Камень: подъём на перевале занимал два дня, а в смету вошёл один. Дополнительно Круг потребовал оплатить новые соединения для кресел. Клиент внёс задаток, но остального пока не хватало.

— Можно попросить Тарка, — сказал Брум и сразу покраснел под шерстью. — В долг. Потом вернём.

— А можно начать с того, что перестанем считать деньги, которых не заработали.

Мы сели за стол и разобрали каждый заказ. Один можно было перенести без ущерба. По второму удавалось заменить дорогую ткань местной, если согласовать с клиентом. Третий оказался убыточным из-за моей собственной ошибки: я не предусмотрела в договоре оплату повторного выезда.

Я закрыла лицо ладонями.

— Что с вами? — испугался Брум.

Я медленно убрала ладони от лица.

— Переживаю встречу с человеком, который хотел открыть бюро и забыл подумать, сколько стоят дороги.

Брум придвинул ко мне счётную книгу, будто там находилось доказательство.

— Это вы.

— Спасибо, что уточнил. Я уже почти догадалась.

Он помолчал, потом положил на стол лист.

— Я могу вести перевозки сам. У меня брат работает с обозами. Он знает, какие дороги закрывают первыми.

Я подняла голову.

— Ты не хочешь всю жизнь помогать мне носить образцы?

Брум замялся.

— Образцы тоже нужны. Но я умею считать. Просто медленно.

— Тогда будем считать вместе. Завтра принесёшь сведения о перевозках. И сделаем новую таблицу расходов.

День закончился письмом от Тарка: «Если у тебя снова приём с гильдией, предупреди. Не чтобы вмешаться. Чтобы переставить стражу у лестницы. В прошлый раз один из ваших гостей заблудился и пытался пройти на склад оружия».

Я перечитала письмо и усмехнулась. Затем ответила: «Стражу переставляй. Деньги не предлагай. Ужин принеси, если свободен».

Он пришёл через час с подносом на двоих. Я показала ему счётную книгу, ожидая критики.

Тарк внимательно прочитал расходы, потом задержал коготь на графе перевозок.

— Здесь слишком мало.

— Знаю. Мы уже исправляем.

Он перелистнул страницу.

— Хорошо.

Я подождала. Он не добавил ничего.

— И всё?

Тарк наконец поднял глаза.

— Ты хотела, чтобы я отчитывал тебя за работу?

Я задумалась.

— Нет. Но мог бы позволить мне повозмущаться дольше.

Он взял хлеб.

— Можешь возмущаться за двоих.

И, что было совсем несправедливо, засмеялся раньше меня.

Глава 5. Регент учится ждать

На военном совещании я впервые узнала, как сильно взрослые мужчины способны ненавидеть слово «перепланировка».

Не в смысле стоимости. Стоимость была только началом. Они ненавидели необходимость менять привычный порядок, потому что новый порядок требовал признать: старый не всегда был лучшим.

Тарк пригласил меня официально — от бюро. Даже прислал письмо с печатью, хотя живыми словами сообщил об этом накануне в коридоре.

— Это обязательно? — спросила я, глядя на печать.

Тарк поправил край официального письма, будто от этого оно становилось убедительнее.

— Для протокола.

Я постучала пальцем по печати.

— Необычно. Обычно ты просто говоришь: «Идём».

Лист в его руках чуть опустился.

— Ты жаловалась, что тебя зовут как мою спутницу, а не как специалиста.

Я постучала ногтем по пустому месту под подписью.

— Я жаловалась, что мне не платят за экспертизу.

Он задумался, затем позвал Эльта. Через полчаса я получила второй лист с указанием гонорара. Я вложила его в папку и поняла, что иногда начинать разговор с Тарком надо с простого требования, а не с целой речи о равноправии.

Совещание проходило в новом зале, над которым я работала ещё до императорского визита. Столы теперь стояли так, что за ними можно было пройти с подносом, а жаровни не отравляли воздух. Но карты военные по старинке развернули прямо на полу, и мне пришлось раз за разом удерживать край сапогом.

— Здесь три зимние дороги, — объяснял офицер с тёмными рогами. — Мы перекрываем две при сильном снеге, оставляя одну для обозов.

— А если на последней обвал? — спросила я.

— Тогда обозы ждут.

— Где?

Он указал на точку у речной переправы. Я наклонилась к карте.

— Там нет здания для ночлега.

— Во время войны ставили шатры.

— Во время войны можно многое. Но дети и больные не должны зависеть от того, остался ли у гарнизона лишний шатёр.

Офицер нахмурился.

— Мы обсуждаем военную связь, госпожа Воронцова.

— А я обсуждаю, что дорога существует для людей, которые по ней ездят.

С другого края стола раздалось недовольное ворчание. Тарк слушал, опираясь пальцами о край карты. Он не улыбался мне и не торопился выступить.

Я указала на несколько пустующих строений между деревьями. Если отремонтировать их, получится сеть небольших пунктов, где можно переждать снег, обогреться и заменить сломанное колесо. Не новая крепость, а обычный надёжный дом.

— Денег нет, — ответил казначей.

Моя схема так и осталась перед ним нетронутой.

— Я ещё не назвала сумму.

— Денег всё равно нет.

Я придвинула лист к нему так, что край упёрся в его счётную книгу.

— Тогда тем более нужно считать, прежде чем спорить.

Один из старших офицеров бросил, что гражданские мастера не понимают пограничной службы. Я уже набрала воздух, но Тарк поднял ладонь.

— Дайте закончить доклад, — сказал он.

Слова были адресованы всем, но я почувствовала, как они неприятно задели именно меня. Села и перестала говорить.

Совещание шло ещё час. Когда оно закончилось, Тарк задержался у двери. Я собирала карты, нарочно медленно.

— Ты сердишься, — заметил он.

— Я составляю список предложений.

— Это не мешает тебе сердиться.

Я сложила один лист, потом второй.

— Ты остановил меня, когда тот человек объявил, что я ничего не понимаю в жизни людей на севере.

— Я остановил весь спор. У нас оставалось шесть донесений и приказ о снабжении застав.

— Я могла ответить за полминуты.

— Я знаю. Я видел, как ты отвечаешь за полминуты.

Я вскинула голову. Он стоял спокойно и совершенно не собирался извиняться только для того, чтобы разговор закончился. Это было неожиданно обидно.

— Значит, мне следовало молчать?

— Тебе нужно было отдельное время, — сказал он. — Я его не дал. Моя ошибка.

Он протянул мне новую повестку.

Там значилось отдельное обсуждение ремонта пограничных зданий через два дня. Мой доклад стоял первым. После него шли вопросы от представителей поселений.

— Ты уже подготовил это?

— Да.

Я посмотрела на подпись.

— Можно было сказать в зале.

— Можно. Но тогда мой приказ выглядел бы личным спором с офицером. А мне нужно, чтобы он слышал проект.

Мне не понравилось, что в этом имелся смысл. Зато я знала, что могла бы сказать ещё что-нибудь колкое и испортить нам обоим вечер.

— В следующий раз, когда остановишь меня, дай понять, что речь не о том, что я посторонняя.

Тарк кивнул.

— Сделаю.

Тарк уже потянулся за следующим листом.

— И мне нужны измерения зданий, а не только точки на карте.

— Попроси у Ворна. Я ему уже написал.

Я задержала его руку на папке.

— Ненавижу, когда ты настолько всё предусмотрел.

— Это случается реже, чем тебе кажется.

Он коснулся пальцами моего плеча, и я позволила себе прислониться к его руке. После спора прикосновение ощущалось острее обычного: не извинение и не попытка меня успокоить, а проверка — можно ли ещё быть рядом после того, как мы оба остались при своём.

Я повернулась к нему.

— Я всё ещё злюсь.

— Вижу.

— И это не повод выглядеть довольным.

— Я не доволен.

Но ладонь с плеча он не убрал. Я взялась за край его куртки и потянула ровно настолько, чтобы ему пришлось наклониться. Поцелуй получился коротким и совсем не примирительным — больше напоминал продолжение спора другим способом. Тарк ответил сразу, а когда я отстранилась, его большой палец ещё секунду лежал у моей шеи.

На другом конце коридора Элт с чрезмерным усердием проверял замок у окна.

— Теперь можешь сердиться дальше, — сказал Тарк.

— Спасибо за разрешение.

Через два дня доклад прошёл лучше, чем я ожидала. К концу мы получили не обещание немедленно перестроить весь север, а разрешение составить смету на два пробных пункта. Это было больше, чем красивое одобрение.

После заседания Тарк отвёл меня в сторону.

— Пришло донесение из Кромки.

Я приготовилась услышать о новом складе.

— В старом перевозе найдено повреждение стены, — сказал он. — Не такое, как на складе. Камень как будто согнули.

Я вспомнила синеватую линию на пластине Ирвы.

— Там кто-нибудь пострадал?

Тарк покачал головой.

— Пока нет. Дорогу перекрыли. Ворн выехал.

— Ты поедешь?

Он разгладил край донесения большим пальцем.

— Сначала соберу сведения. И проверю архивы.

Мне хотелось немедленно развернуть карту и ехать вслед за Ворном. Но рядом стоял человек, который умел отличать решение от желания. Я глубоко вдохнула.

— Я подготовлю список того, что понадобится для обследования.

Тарк коротко кивнул.

— Хорошо.

Я уже развернулась к столу, но вспомнила последнее.

— И ты не будешь вычёркивать меня из поездки только потому, что мне не нравятся полевые сапоги.

Тарк носком сапога слегка задел край моего дорожного башмака.

— Я подумаю над сапогами отдельно.

Это был почти мирный разговор. Для нас — достижение.

Глава 6. Неправильная дверь

Ирва официально запретила мне прикасаться к новой раме.

— Это невозможно, — сказала я. — Тогда кто будет измерять расстояние между пластинами?

Ирва не оторвалась от записей.

— Брум.

Она перевернула страницу.

— Он не знает, где ты хочешь поставить пластину.

— Я покажу.

Я обошла стол и встала с другой стороны рамы.

— А кто скажет, что от такого расстояния стогрит боковая стойка?

Крог поднял руку, не отрываясь от верстака.

— Я.

Я посмотрела на них всех троих.

— Настоящий заговор.

Они не отрицали.

После истории с серым следом на макете мы перенесли работу в старое защищённое помещение у нижней стены замка. Там не было людей, не проходили трубы и не стояли свежие постройки. По крайней мере, такой ответ мне дали Эльт и Ирва. Я обошла помещение, проверила расстояние до выходов, затем потребовала убрать два сундука, которые стояли в единственном удобном проходе.

Испытание сегодня было маленьким: переместить медный жетон внутри замкнутого контура примерно на ладонь. Не в другой мир. Не через северные земли. Только от одной пластинки к другой.

Ирва предупредила, что в настоящем полном переходе всё равно нужны пространственный узел, якорь и властный ключ. Наша конструкция не отменяла этого. Мы проверяли механику, а не искали способ обмануть магию.

— Я знаю, — сказала я. — Мы уже четыре раза проговорили правила.

— Проговорим пятый, если потребуется.

Она встала за защитный круг. Тарк пришёл после утреннего совещания и наблюдал со стороны двери. Ему не нравился ни сам эксперимент, ни то, что я находилась в помещении. Но официальное заключение безопасности лежало у Эльта, и Тарк ограничился просьбой не пересекать отмеченную линию.

Я осталась у дальней стены с блокнотом.

Сначала ничего не произошло.

Жетон лежал на левой пластине. Свет Ирвы коснулся рамки и погас. Она повторила движение, изменив направление медной нити. Пластина едва заметно задрожала.

— Сейчас, — сказала она помощнику.

Жетон исчез.

На правой пластине раздался тихий металлический звон.

— Переместился, — прошептал Брум.

Я уже собиралась открыть рот, когда один из контрольных язычков на раме внезапно стал красным.

— Остановить, — произнесла Ирва.

Маги оборвали подачу силы. Красный цвет погас, но в воздухе остался запах горячей меди. На стене возле северного угла появились три тонкие линии, сходящиеся в круг.

Ирва увидела их одновременно со мной.

— Там раньше был знак? — спросила я.

— Нет.

Тарк подошёл ближе, но остановился у линии.

— Вы завершили проверку?

— Да, — ответила Ирва. — Нужен осмотр помещения.

Я присела у стены, не заходя в защитный круг. Крошка камня возле основания была сухой. От неё не пахло горелым. Я потрогала открытую поверхность кладки: холодная, ровная. На стене появилась едва видимая трещина.

— Как далеко эта линия уходит? — спросил Тарк.

— Пока не знаю, — сказала Ирва. — Возможно, отклик пришёл через старый контур. Нужно проверить записи.

Я подняла жетон со стола. Он был цел, только тёплый.

— Значит, предмет переместился правильно. А энергия ушла куда-то ещё.

— Или откуда-то пришла, — возразила Ирва.

Мы промолчали. Мне захотелось немедленно записать все наблюдения, пока никто не начал заменять точность красивым словом «чудо».

Вечером я составила отчёт вместе с Брумом. Он следил за временем, я проверяла последовательность. Тарк сидел в дальнем конце стола и не вмешивался, пока я сама не попросила прочитать запись о безопасности.

— Здесь указано, что испытание прекращено после сигнала, — сказал он. — А кто проверял выходы после?

— Ворн. Дважды. Пройти можно. Но узел остался закрыт.

— Хорошо.

В дверь вошёл Эльт. В руках у него была узкая сигнальная пластина из караульной комнаты. На металле ещё светилась свежая отметка.

— Генерал. Короткий сигнал из Кромки. Полное донесение будет позже.

Тарк взял пластину и сверил знак времени с нашим журналом. Караульные каналы умели передавать только несколько заранее оговорённых тревожных отметок, зато быстрее всадника.

Пока он читал метки, я видела, как меняется его лицо: не от испуга — он умел прятать испуг, — а от сосредоточенности человека, уже считающего, сколько людей потребуется на новую задачу.

— На заставе снова треснула кладка, — сказал он. — Сигнал поставлен на ту же минуту, когда здесь загорелся контрольный язычок.

Брум очень медленно положил перо.

— Но ведь мы ничего туда не посылали.

— Да, — сказала я.

Вот это и было хуже всего.

Я развернула наш отчёт и снова посмотрела на карту северных земель, висевшую рядом с камином. До Кромки было несколько часов пути; подробности мы узнаем только от посыльного. Но отклик старой двери, если мы правильно понимали её устройство, преодолел это расстояние мгновенно.

— Сегодня больше ничего не включаем, — сказала я.

Ирва кивнула так быстро, будто ждала этих слов весь вечер.

Тарк подошёл ко мне и положил рядом чистый лист.

— Напиши, что нужно сделать для безопасности Кромки. Не для портала. Для людей.

Я взяла карандаш. Первым пунктом поставила «осмотр всех старых арок». Вторым — «закрыть повреждённые склады». Третьим — «найти дома для тех, кого придётся переселить».

И только после этого заметила, что Тарк всё ещё стоял рядом, опираясь одной ладонью о стол. Шрам на его запястье побелел от напряжения.

— Я не собиралась открывать опасную дверь, — сказала я.

— Знаю.

Я провела пальцем по краю отчёта.

— Но мы её задели.

— Да.

— И я всё равно хочу продолжать. Потом. Когда поймём, что произошло.

Тарк посмотрел на список для Кромки.

— Тогда сначала поймём. Всё остальное подождёт.

Я взяла его за руку. Впервые с начала вечера мне захотелось не спорить, не доказывать, не шутить — просто поддержать её немного.

Мы стояли у стола, пока Брум переписывал список для Кромки. Он трудился сосредоточенно, время от времени сдвигая лист подальше от капель воска. За окнами тихо падал снег. Впервые за долгое время звуки обычного зимнего замка казались мне защитой, а не помехой.

Глава 7. Трещина в чужом доме

В Кромку мы выехали не сразу. Сначала Тарк потребовал подтверждения, что дорога проходима, Ирва — отдельной охраны для инструментов, а Гарра — чтобы я взяла нормальное тёплое бельё.

Последнее требование оказалось самым труднооспоримым.

— Это не поход на праздник, — сообщила она, складывая мне в сумку шерстяные носки.

— Знаю.

— Значит, берите вторые.

— Взяла.

— И третьи.

Я попробовала закрыть сумку. Она не закрылась.

— Гарра, если ты положишь ещё одни носки, мне придётся ехать не с экспедицией, а отдельно, в повозке для багажа.

— Хорошее решение. Там крыша лучше.

Ворн ждал у ворот с лицом человека, который предпочёл бы сопровождать обоз с железом: железо, по крайней мере, не спорит о количестве шерсти. Брум тоже отправлялся с нами, чтобы проверить складские проходы и помочь с измерениями. Тарк оставался в Роггарде: в тот день регент должен был встретиться с представителями двух кланов, встречу с которыми невозможно было перенести даже на час без новой ссоры.

Он проводил нас до мостовой.

— Если Ворн скажет отступить, — начал он.

— Отступлю.

Он открыл рот снова, и я подняла ладонь.

— Тарк.

Он замолчал. Потом достал из кармана мою маленькую рулетку. Я забыла её на столе.

— Ты забыла.

— Вот это полезное предупреждение.

Он протянул рулетку, но пальцы разжал не сразу.

— Тогда просто возвращайся.

Я взяла рулетку.

— Постараюсь. И ты тоже не забудь пообедать.

Он склонился и поцеловал меня. Рядом фыркнула упряжная зверюга, явно недовольная задержкой. Ворн откашлялся, что звучало почти как приказ.

По дороге выяснилось, что северные зимние тракты проектировал человек, который никогда не сидел в повозке дольше десяти минут. Я провела половину пути, удерживая ящик с инструментами коленями. Брум пытался выровнять его клином, но клин постоянно выскакивал, и вскоре мы перестали спорить о причинах и стали просто придерживать ящик вместе.

Кромка встретила нас запахом дымных печей и мокрой шерсти. Посёлок стоял в низине между двумя холмами, с десятком каменных домов, общим складом, конюшней и небольшой кухней для тех, кто приезжал на рынок из дальних хуторов. Дорога проходила через двор почти вплотную к дверям. Из одной из них вышла женщина с ребёнком на руках и едва не попала под колесо последней повозки.

Я мгновенно отметила недостаток, но сначала нас повели к повреждённому складу.

У входа стояла временная ограда. Ворн убедился, что её не убрали для нашего удобства, и только тогда разрешил подойти ближе. Два местных каменщика ждали у стены. Один был старым тауром с коротким рогом, другой — человеком с красным носом и руками в извести.

— Вы из замка? — спросил человек.

— Из бюро. Меня зовут Алиса. Мне надо посмотреть, как треснула кладка.
Он смерил меня взглядом.

— А генерал?

Хозяин склада вытянул шею, пытаясь разглядеть стражу за моей спиной.

— В Роггарде.

Он заметно расслабился.

— Хорошо. А то мы думали, тут война, раз стражи столько.

— Склад пока ещё цел. Давайте попробуем оставить его таким.

Внутрь я не вошла. От стены до ограды хватало расстояния, чтобы видеть основание и верхнюю арку. Трещина шла не по обычной линии нагрузки. Камни по обе стороны сместились на одинаковую глубину, словно между ними вставили огромную невидимую пластину.

— Когда это началось? — спросила я.

— Два дня назад, — сказал каменщик. — Сначала гул. Потом стук, будто кто-то дверью хлопнул. А ночью вот.

Он постучал ногтем по пустоте между камнями.

— Раньше дом трясло?

Каменщик почесал край бороды и прислушался к пустоте за стеной, будто она могла ответить вместо него.

— Иногда. Земля здесь беспокойная. Но никогда так.

Я задрала голову к верхней арке.

— Кто-нибудь находился внутри?

— Нет. Слава предкам.

Рядом была небольшая пристройка с наклонной крышей. Туда уже переселили запасы зерна. Я измерила расстояние между стенами и обнаружила, что повреждения уходят дальше по фундаменту пристройки. Ворн приказал отвести людей от участка.

Дальше мы осмотрели старый дом у дороги. Его хозяин умер много лет назад, а здание использовали под ненужные вещи. На полу лежали выцветшие ткани, сломанные корзины и две каменные плиты. Брум указал на дверной косяк.

— Смотрите. Он выгнулся наружу.

Я приложила к нему уровень. Дерево действительно было выгнуто — но следы старой краски показывали, что ещё недавно оно стояло ровно.

— Кто-нибудь помнит, здесь раньше была другая дверь? — спросила я.

Пожилая женщина, пришедшая с каменщиками, подошла к нам.

— При моём деде тут висела железная решётка. Потом её сняли. Думали, дом не нужен.

— А что за решётка?

— Я маленькая была. Помню только, что за неё цеплялись платки.

Это была первая подсказка, которая могла оказаться просто воспоминанием. Я аккуратно записала её, не подменяя догадку фактом.

К вечеру мы проверили ещё три здания. Одно выглядело безопасным. Два нуждались в наблюдении. На общей кухне я обнаружила старую трещину над печью и велела временно не топить её до укрепления перекрытия. Местные жители встретили приказ без радости.

— А где нам готовить? — спросила хозяйка кухни.

Вот чего я не учла.

Мне пришлось вместе с Брумом искать место для временной печи. Мы устроили её под крытым навесом, перенесли посуду и проверили, чтобы дым уходил в сторону от дороги. Это заняло два часа, три спора и половину нашего запаса верёвок.

Когда работа закончилась, хозяйка поставила передо мной чашку горячего супа.

— Вы же из замка. Я думала, только скажете, что нельзя, и уедете.

— Меня дома тоже ругают за это, — призналась я. — Только в другую сторону: мол, не надо всё делать руками.

Она посмотрела на мои грязные рукава.

— И правильно ругают.

Улыбнулась она, впрочем, первая.

Вечером, после обхода повреждённых домов, Ворн отправил донесение Тарку. Я приложила свой список: закрыть склад, укрепить кухню, проверить пустой дом, сделать временный обход для повозок и найти старые планы дорог.

До Роггарда оставалось полдня пути по проходимой дороге, а в снегопад — больше. Поэтому Ворн отправил донесение с двумя всадниками: один вёз бумаги, другой мог вернуться с предупреждением, если мост у перевала окажется закрыт. Я дописала на обложке время осмотра. Если новые трещины появятся до приезда комиссии, нам понадобится знать, что изменилось за эти часы, а не просто получить ещё одну страшную историю.

Брум сел рядом, достал чистый лист и предложил нарисовать новый проход через посёлок. Я хотела сказать, что устала. Потом увидела, как он сам измеряет шагами расстояние до угла, и передумала.

Мы работали при свете одной лампы. Из-за стены доносились голоса местных жителей. Где-то смеялся ребёнок.

— Думаете, это портал? — спросил Брум, когда мы остались вдвоём.

— Пока думаю, что у людей трескается дом. Сначала нужно помочь им. А потом выяснить почему.

Он кивнул. Кажется, такой ответ ему понравился больше, чем магические объяснения.

Глава 8. Условия безопасности

Мы выехали из Кромки на следующее утро, когда Ворн убедился, что опасные здания огорожены, а у местных остались материалы для временных подпорок. До Роггарда добрались после полудня. Первым делом я вымыла руки. Потом сапоги. Потом снова руки. От земли Кромки невозможно было избавиться за один раз — она забивалась в швы, оседала под ногтями и напоминала о себе каждый раз, когда я раскрывала блокнот.

Тарк встретил нас у ворот. Мы не успели даже выгрузить инструментальный ящик, как Ворн начал доклад.

— Два здания непригодны до укрепления. Три под наблюдением. Люди не пострадали. Путь вдоль склада закрыт.

— Хорошо, — сказал Тарк, затем посмотрел на меня. — Ты?

— Цела. Замёрзла. Хочу горячей воды и нормально поесть.

Он обратился к Гарре, стоявшей рядом:

— Приготовьте...

— Уже, — перебила она. — И если вы намерены устроить разбор поездки до ужина, я лично вынесу из комнаты все стулья.

Тарк не спорил. В этом замке некоторые победы давались легче, если за них бралась экономка.

После ужина мы собрались в кабинете Ирвы. Она разложила наши отчёты по времени и расстояниям. Я показала, как расположены повреждения. Брум принёс карту Кромки, которую мы нарисовали на месте, а Ворн — записи караула.

— Отклик совпадает по минутам с нашим испытанием, — сказала Ирва. — Это ещё не доказывает, что причиной были мы.

— Но делает дальнейшие опыты плохой идеей, — ответила я.

— Согласна.

В этот момент вошёл Эльт с новым свитком. По печати я сразу поняла: свиток был не от мастеров и уж точно не с кухни.

— Императорская канцелярия, — сказал он.

Арвенн прислала временный запрет на расширенные исследования порталных рам до обследования старой сети. Документ был составлен безупречно: ясные формулировки, даты, подписи. Мне захотелось найти в нём место для собственной злости, но бумага не оставляла ни одного удобного зазора.

— Всё? — спросила я. — Можно убрать чертежи и ждать ещё полгода?

— Нет, — сказала Ирва. — Можно исследовать существующие детали без активации. И заниматься безопасностью границы.

— А дату следующей связи с мамой это затрагивает?

Ирва помолчала.

— Пока нет, если сеанс останется в пределах прежней мощности. Но полноценный переход откладывается до проверки.

Я села, глядя на серую печать. В памяти всплыла мама, стоящая перед зеркальной рамой в моей съёмной квартире. Тогда я обещала, что буду разбираться, сколько потребуется. Сегодня это обещание вдруг показалось тяжелее, чем когда я его произносила.

Тарк положил ладонь на край стола.

— Я поддерживаю запрет.

— Неудивительно.

В его сторону я не посмотрела. Сама знала, что это несправедливо.

— Алиса, — спокойно сказал он. — Если Кромку снова тряхнёт из-за нас, отвечать придётся за людей там. Не только за твой переход.

— Я тоже там была. Видела стены.

— Вот именно.

Я аккуратно сложила письмо мамы и положила в папку. Ещё несколько минут мы обсуждали безопасность. Я отвечала на вопросы, уточняла измерения и не пыталась никому доказать, что запрет обиден лично мне. Но после заседания всё-таки задержала Тарка.

— Дай мне право присутствовать, когда будут решать судьбу перехода.

Тарк остановился у двери и дождался, пока остальные уйдут.

— Оно у тебя уже есть. Как у специалиста и участника проекта.

— Не только присутствовать. Получать отчёты. Даже если их вывод мне не понравится.

Он чуть нахмурился, но не спорил.

— Согласен.

Я прижала папку к груди.

— И если потребуется отменить испытания совсем, скажи мне это заранее. Не в день, когда мама будет ждать.

Он обнял меня одной рукой. Я уткнулась лбом в его рубашу и на несколько секунд перестала быть компетентным человеком со списком обязанностей. Под щекой чувствовалось тепло его тела; пальцы сами сжали ткань на боку.

— Я знаю, что ты скучаешь, — сказал Тарк.

— Скучаю. Ещё как. Только от этого склад не становится целее.

— Нет.

Он произнёс это мне в волосы. Я подняла голову. Между нами осталось слишком мало места для разговора о складах, и я почти рассмеялась от нелепости собственного желания — целовать его именно сейчас, когда на столе лежало распоряжение, отдаляющее меня от матери.

Тарк ничего не требовал. Просто ждал.

Я коснулась губами уголка его рта и отстранилась первой.

— Вот и будем чинить склад.

Он провёл большим пальцем по моей ладони. В голосе, когда он заговорил снова, появилась знакомая сухость — та самая, которой он прикрывался, когда чувствовал больше, чем хотел показывать.

— Есть ещё одна новость. Арвенн сообщила, что купец Севран Эйлис подал заявление на новые права по участку у старого перевоза.

— Что за права?

— На дорогу, склады и использование территории для будущих торговых станций.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, почему эта новость мне настолько не нравится.

— Он же не знает, что там портал.

Тарк посмотрел на меня.

— Теперь, возможно, знает.

Утром я проснулась раньше него. Не от страха, а от того, что наконец поняла, какая часть нового предложения кажется опаснее всего. Можно закрыть дверь на замок, открыть её магией или сломать. Но если кто-то получит право брать деньги за каждый шаг через неё, закрыть её для посторонних будет гораздо труднее.

Позже утром я попросила Эльта показать старые правила аренды земли на севере. Он удивился, потому что обычно я приходила за договорами на строительство, а не за перечнем торговых прав. Я объяснила, что хочу понять, каким образом человек может получить участок, на котором стоит опасная древняя рама, и не обязан спросить никого из тех, кто рядом живёт.

Эльт разложил бумаги на столе. Оказалось, что земля имела нескольких владельцев в разные эпохи. После Пепельных походов часть территории передали военным, часть оставили кланам, а несколько старых торговых дорог по-прежнему считались общими. Если купец арендовал склад, это ещё не означало, что он владел всем подземным пространством под ним. Но где именно проходила граница, документы объясняли не всегда.

— Неужели никто раньше не заметил? — спросила я.

— Замечали, — ответил Эльт. — Только пока в этих местах стояли руины, никто не хотел тратить деньги на точные межевые планы.

— Теперь захотят.

— Теперь очень захотят.

Мы проверили карты, сопоставили печати и обнаружили, что новая заявка Севрана затрагивает дорогу, которой пользуются жители Кромки. Если её передадут частному торговому дому вместе с правом ограничивать движение, людям придётся выбирать другой, более длинный путь. Я представила женщину с двумя детьми, которую мы подвезли во время экспедиции, и разозлилась сильнее, чем из-за угрозы лично мне.

Арвенн прислала указание провести публичное слушание. Я обрадовалась, пока не узнала, что обсуждать будут только формальное соответствие бумаг старому реестру. Пришлось попросить отдельно включить вопрос о безопасности и доступе жителей. Эльт помог составить письмо так, чтобы его нельзя было отклонить просто потому, что я формулирую требования недостаточно юридически точно.

Вечером я зашла в мастерскую. Круг строил деревянную модель старого перевоза из подручных деталей. На одном конце стоял маленький домик, на другом — кусочек стены с меткой портала. Я показала ему, где на карте проходит торговая дорога. Он поставил между домами деревянную дощечку.

— Что это? — спросила я.

Круг повернул дощечку ребром между двумя домиками.

— Забор. Если купец получит право закрыть дорогу.

Я обошла модель с другой стороны.

— У тебя удивительный талант объяснять политику мебелью.

— А ты думаешь, я всю жизнь только кресла делал?

Мы засмеялись. Потом я попросила оставить модель для предстоящего совещания. Иногда одна дощечка показывала людям суть проблемы лучше, чем три страницы о правах аренды.

Глава 9. Право на дорогу

Севран Эйлис прибыл в Роггард с шестью сундуками, двумя помощниками и таким количеством договоров, что Брум при виде печатей перестал дышать.

Сам купец выглядел так же безупречно, как на Совете северных кланов: светлая одежда, аккуратно собранные волосы, спокойная манера разговаривать, будто любая неприятность представляет собой лишь неправильно оформленный счёт.

— Госпожа Воронцова, — сказал он. — Рад снова видеть человека, который умеет убеждать генералов менять стены.

— Приходится. Иногда с генералами легче, чем с бухгалтерией.

— Не сомневаюсь.

Он улыбнулся и занял место у совещательного стола. В отличие от многих гостей, не потребовал самого высокого кресла. Просто подвинул под ноги низкую скамеечку, и я невольно одобрила решение.

Севран развернул карты. На них тонкими линиями были отмечены несколько дорог, пустующие склады и старый перевоз возле Кромки.

— В этих местах давно не хватает надёжной торговли, — начал он. — Роггард обеспечивает безопасность, но караваны простаивают на переправах. Мои дома готовы вложить средства в ремонт дорог, строительство складов и обучение местных работников.

— На каких условиях? — спросила Арвенн.

— Преимущественное право на перевозку товаров через восстановленные магические узлы сроком на двадцать лет.

Я подняла голову.

— Через узлы, которые ещё не восстановили?

Севран сложил ладони на папке, будто вопрос был ожидаемым.

— Именно. Инвестиции нужно планировать заранее.

— А если там вообще нельзя открывать проходы?

Он не ответил сразу; сперва поправил край договора.

— Тогда стороны рассмотрят другие формы использования построенной инфраструктуры.

Он говорил мягко и разумно. Но под словом «преимущественное» пряталось столько возможных запретов, что у меня заболели зубы.

— Если местному жителю понадобится срочно перевезти лекаря, он тоже будет обращаться к вашей компании? — спросила я.

— Медицинские и военные нужды можно отдельно оговорить.

— А посещение семьи? Переезд? Письма?

— Отдельно оговорить, — повторил Севран.

— Тогда мы в конце получим договор из исключений, а не правило для обычного человека.

Он приподнял ладони.

— Обычному человеку нужны работа и дешёвые товары. Я их предлагаю.

Я не могла возразить прямо. В Кромке я видела, сколько вещей людям приходится чинить по десять раз из-за стоимости новой. Хорошая дорога действительно могла изменить их жизнь. Вопрос был в том, кто станет решать, кому разрешено по ней ездить.

Тарк слушал молча. Когда Севран закончил перечислять преимущества, генерал задал один вопрос:

— Кто будет отвечать за повреждения чужих домов, если ваша перевозка вызовет отклик в старой сети?

Севран слегка откинулся назад.

— Для этого и существует страховой фонд.

Тарк постучал одним когтем по столу.

— У фонда есть предел.

— У любого фонда есть предел, генерал.

Тарк не повысил голос.

— А если фонд закончится раньше, чем ущерб?

На мгновение в комнате стало тихо. Севран не отвёл взгляда.

— Именно поэтому предлагаю привлечь специалистов и финансирование.

Арвенн попросила оставить документы на проверку. Решение вопроса об исключительных правах отложили до получения независимого технического заключения.

Купец согласился слишком легко.

После его ухода мы долго разбирали приложения. Некоторые были составлены настолько сложно, что мне потребовалась помощь Эльта. Там, где я видела только юридические слова, он находил реальные последствия: право назначать тариф, сдавать участок в аренду, требовать компенсацию за остановку перевозок.

— Ему ведь выгодно даже ждать, — заметил Брум. — Если дорогу перекроют, возмещать убытки всё равно придётся.

Я посмотрела на него.

— Ты точно больше не хочешь вести перевозки?

— Хочу, — признался он. — Только не всё сразу.

Тарк предложил провести независимое обследование старого перевоза, прежде чем обсуждать чьи-либо договоры. Ирва поддержала. Арвенн уточнила правовое основание, Ворн — порядок охраны.

Я развернула свой список инструментов.

— Поеду с вами.

Тарк оторвался от карты.

— С экспедицией?

— На старом перевозе есть строительные узлы. Ваши маги знают, чем они опасны, мои мастера — как они устроены. Я нужна там.

— Я не отказываю, — ответил он, заметив, что я уже собралась спорить. — Сначала маршрут и безопасность.

— Хорошо.

Я придвинула к нему список снаряжения, пока он не успел принять согласие за чудо.

— И Ворн будет руководить походом на месте.

— Это разумно.

Тарк приподнял бровь.

— Ты сегодня на удивление согласна.

— Я экономлю силы на дорогу.

Севран тем временем остался в Роггарде ещё на два дня. За это время он успел выкупить часть старых долгов нескольких перевозчиков, заключить договор с новой кузницей и пообещать местным купцам снижение пошлины на один из своих складов.

Я не знала, имел ли он отношение к повреждениям в Кромке. Не знала, сколько понимает в портальной магии. Но одно уже стало ясно: пока мы составляли список, он работал.

На третий вечер я принесла Тарку документы и застала его над картой Пепельных земель. Перед ним лежал маленький металлический жетон с гербом старого гарнизона. Он провёл по нему когтем, затем убрал в ящик.

— Ты знаешь место, куда мы едем? — спросила я.

Тарк закрыл ящик не сразу.

— Да. Когда-то мы там потеряли людей.
— Ты рассказывал о Пепельных походах.
Его ладонь осталась на деревянной ручке.
— Не обо всём.

Он закрыл ящик. Я не стала требовать продолжения. Села рядом и стала проверять список запасов для дороги.

Через некоторое время Тарк подтянул ко мне чернильницу, чтобы не приходилось тянуться через весь стол. Потом сам взял чистый лист и начал выписывать имена командиров, которым поручит сопровождение.

Мы работали вместе до поздней ночи. Не потому, что кто-то из нас не мог остановиться. Просто иногда близость выглядела именно так: два человека за одним столом делают разную работу, но больше не обязаны прятать от другого ни страх, ни надежду.

Глава 10. Сколько вещей нужно для конца света

Когда я сказала Гарре, что снова еду в Кромку — теперь не на короткий осмотр, а в многодневную экспедицию к старому перевозу, — она не стала меня отговаривать. Это показалось подозрительным. Потом я обнаружила на кровати три пары плотных носков, тяжёлые перчатки, запасную рубашу и шерстяной платок, который мог бы послужить палаткой для небольшого ребёнка. Рядом лежала записка: «Не брать вещи только потому, что они красивые».

Я положила записку в блокнот. Гарра знала меня слишком хорошо.

В кухне я нашла Брума, который пытался объяснить повару, почему для экспедиции не нужны три больших котла. Повар считал, что без горячего супа люди умрут ещё до встречи с опасностью. Брум возражал, что повозки не смогут пройти по узкой дороге, если загрузить их посудой и дровами. Я предложила взять один котёл и больше сухих продуктов. Оба посмотрели на меня как на человека, предложившего древнюю мудрость, хотя речь шла всего лишь о распределении веса.

На дворе Ворн показывал молодым воинам схему караванного порядка. Он отметил место повозки с инструментами, место лекаря и запасной путь для отступления. Я попросила добавить телегу с лёгкими опорами: если дорога окажется повреждённой, нельзя рассчитывать, что мастерство Крога заменит настоящие балки. Ворн кивнул и переставил фигурку на карте.

— А ты где хочешь ехать? — спросил он.

— Там, где не придётся смотреть на всех свысока.

— Это сложно. Ты у нас ниже всех.

Я посмотрела на него. Ворн почти улыбнулся. Оказывается, даже военные начали учиться шутить надо мной, не опасаясь немедленно вызвать на себя генерала.

Тарк застал меня у конюшни, когда я пыталась объяснить молодому стражнику, что рулетка не является опасным магическим оружием. Стражник осторожно потрогал металлический корпус, выдвинул ленту и отскочил, когда она с щелчком вернулась на место. Тарк спросил, всем ли экспедициям я устраиваю подобные испытания до выхода.

— Только тем, где люди ещё не знают, чем будем измерять руины.

Он забрал рулетку у стражника и вернул мне, аккуратно придерживая ленту большим пальцем. Я поняла, что за последние месяцы он научился пользоваться этой вещью без моих постоянных комментариев. Почему-то это растрогало сильнее, чем его готовность отправить с нами дополнительную охрану.

Список вещей для экспедиции пришлось переписывать три раза.

Сначала Ворн вычеркнул половину моих измерительных инструментов. Потом Ирва добавила сундук защитных пластин. Затем Гарра принесла свёрток шерстяных накидок и объявила, что вопрос закрыт. После чего Круг увидел количество запасных клиньев и сказал, что с таким набором мы сможем обследовать разве что табурет.

Я положила карандаш.

— Давайте договоримся: каждый оставит всё необходимое и уберёт из списка то, что хотел взять на всякий случай.

Ворн, не меняя выражения лица, положил ладонь на рукоять ближайшего топора.

— Оружие необходимо.

— Даже четвёртый топор?

Ворн пересчитал три уже уложенных топора.

— Особенно четвёртый.

Ворн подтянул к себе связку оружия.

— Зачем?

— Потому что первые три могут понадобиться.

Крог довольно хмыкнул. Я посмотрела на Ирву.

— А тебе зачем двенадцать одинаковых медных чаш?

— Они не одинаковые.

Она развернула одну боком. На доньшке был процарапан крошечный знак.

— Эта рассчитана на северный отклик, а та — на обыкновенный.

— Я верю, что различие очень важное. Но нельзя ли взять по одной чаше каждого вида?

— Можно. Если ты согласна ехать обратно за остальными, когда понадобится вторая.

Брум, который отвечал за упаковку, слушал наши прения с видом человека, мечтающего о тихой работе. Я подала ему новую ведомость.

— Не записывай пока. Мы ещё не решили, сколько берём воды.

— Воды? — Ворн обернулся. — Речка у Кромки.

— В реке, простите, может быть что угодно. Мы едем к старым магическим сооружениям.

Мне не хочется узнавать, что вода способна спорить с нашей магией.

Ирва впервые за утро одобрительно кивнула.

К вечеру мы пришли к компромиссу. Он весил столько, что понадобилась отдельная повозка, но хотя бы поместился в неё целиком.

Тарк зашёл проверить приготовления. Ворн перечислил состав отряда, охрану и маршрут. Я стояла рядом, уже мысленно перебирая вопросы к местным строителям.

— Тебе точно не нужен ещё один сопровождающий? — спросил Тарк, когда остальные разошлись.

— Ворн взял шесть воинов и двух проводников. У нас экспедиция, не завоевание соседнего королевства.

— Я спросил.

— А я ответила. Один из нас уже учится хорошим привычкам.

Он потрогал ремень на моей дорожной сумке, который держался на честном слове, и заменил пряжку на прочную. Не комментировал. Просто достал из кармана запасную пряжку и закрепил.

— Откуда у тебя это? — спросила я.

Тарк затянул новую пряжку и проверил ремень пальцами.

— У меня были походы.

— И ты всегда носишь пряжки?

Он пожал плечом и спрятал старую в карман.

— Иногда люди оказываются без них в самый неподходящий момент.

Я вспомнила, как он молча протянул мне плащ в день нашего знакомства, и улыбнулась.

— Может, тебе открыть собственное бюро? «Генерал знает, что вы забыли».

Тарк проверил пряжку на моей сумке.

— Слишком длинная вывеска.

— Крог укоротит.

Мы ужинали в покоех. Гарра принесла еду сама и без единого слова проверила, есть ли у меня запасные носки. Тарк проследил за этим взглядом, в котором читалось редкое, заслуженное торжество. Я сделала вид, что не заметила.

За столом он рассказал о Кромке. О том, что земля там часто промерзает насквозь, что дороги после снегопада становятся неотличимыми одна от другой, что в старых подземельях встречаются опасные пустоты. Не как приказ; он просто вспоминал то, что могло пригодиться.

В ответ я рассказала ему, почему не стоит ставить тяжёлую балку на свежую кладку и как проверить, не расползается ли фундамент.

— Ты думаешь, я этого не знаю? — спросил он.

— Конечно, знаешь. Но я ведь тоже знаю, что нельзя соваться в незнакомую нору. Слышишь, как приятно, когда тебе доверяют?

Тарк откинулся в кресле. Потом протянул ко мне ладонь поверх стола.

— Приятно, — признал он. — И трудно.

Я взяла его руку. Он переплёл наши пальцы и большим пальцем медленно провёл по костяшкам. Разговор о доверии внезапно перестал быть отвлечённым. На следующий день мне предстояло уехать туда, где он не сможет стоять рядом, поправлять ремни и проверять дорогу раньше меня. Сегодня он мог только держать мою руку — и не превращать это в повод удерживать меня саму.

Я наклонилась через стол.

— Не смотри так.

— Как?

— Будто уже считаешь, сколько дней меня не будет.

— Четыре — по первоначальному плану. Если дорогу не размоет.

— Ужасный человек.

Я поцеловала его прежде, чем он успел придумать ещё одну цифру. Тарк прижал мою ладонь к своей груди; под тканью сердце билось быстрее, чем позволял его спокойный голос. Мне это понравилось больше, чем следовало.

Гарра громко поставила за дверью поднос для пустой посуды.

Мы одновременно отстранились.

— Она делает это специально, — сказала я.

— Разумеется.

Утром он не провожал экспедицию до самой дороги. Ворн уже стоял возле ворот, проверяя поводья. Тарк появился только в последний момент, передал мне маленький свёрток.

Внутри лежал кусок плотной кожи, который можно было использовать как подложку под колено при работе на холодном камне. Я провела пальцем по ровному краю.

— Это ты сделал?

Я подняла кожаную подложку.

— Круг. Я попросил.

— Спасибо.

Он кивнул. Сказал бы ещё что-нибудь, но Брум как раз уронил на мостовую связку деревянных колышков, и половина каравана одновременно повернулась на звук.

Ворн выругался. Я засмеялась. И мы поехали.

Глава 11. Дома на краю Пепла

Кромка за прошедшие дни не стала уютнее. Зато жители успели обнести повреждённые здания новыми оградами и перенести дорогу ближе к реке. Один из поворотов был опасным: возница не видел встречную повозку. Я зарисовала его на полях блокнота ещё до того, как мы спешили.

— Сперва место ночлега, потом обследование, — приказал Ворн.

— Мне надо только проверить, не перекрыли ли у поворота проход для пешех.

— После размещения.

Я собиралась возразить, но потом увидела, насколько устал Брум. За плечами у него висел ящик с бумагой, который никто, кроме него, не смог бы нести так бережно. Он старательно держался прямо. Если я начну обследовать дорогу до обеда, он отправится со мной и снова ничего не съест.

— Хорошо. Сначала разместимся.

Ворн бросил на меня быстрый взгляд.

— Ты согласилась без спора.

— Не привыкай.

Гостевой дом находился на окраине. Хозяйка, таурша с седой шерстью на висках, встретила нас так, будто всю жизнь мечтала поспорить с каждым приезжим по отдельности.

— Зовут Эда, — сказала она. — Вода горячая по вечерам. Еда по расписанию. Сапоги у двери. Кто сломает ступеньку, тот её и чинит.

Я восхитилась мгновенно.

— У нас в Роггарде почти те же правила, только Гарра ещё следит за скатертями.

Эда посмотрела на меня с новым интересом.

— Знаю Гарру. Она мне однажды полгода напоминала о треснувшем котле.

— Похоже на неё.

Первый день в Кромке оказался занят не древними порталами, а водой. Подтаявший снег стекал прямо к фундаментам домов, где и без того появились трещины. Жители привыкли каждую весну отводить ручьи лопатами, но теперь часть земли осела, и вода собиралась под стенами. Я попросила показать старые канавы. Их давно не чистили: на одном участке вырос кустарник, в другом кто-то сложил дрова.

— Это же не магия, — удивился местный мастер, когда я объяснила, что воду надо отвести прежде, чем мы начнём укреплять стены.

— Именно. Если обычная вода разрушит дом раньше древнего портала, от этого никому не будет легче.

Мы разместили новый путь для стока. Брум помог переносить камни, Ворн выделил людей на расчистку канав, а Эда пришла с корзиной хлеба и спросила, почему военные вдруг занялись хозяйством. Я ответила, что защищать поселение можно не только мечом. Она одобительно хмыкнула и велела не останавливаться, пока вода не пойдёт в нужную сторону.

Когда вода наконец пошла по расчищенной канаве, ко мне подошёл пожилой каменщик. Он не доверял чужим чертежам и хотел посмотреть, понимает ли я разницу между осевшей кладкой и повреждённой магией. Мы вместе осмотрели три дома. В первом проблема заключалась в старом растворе, во втором — в просевшем основании. Третий имел трещину совершенно другого вида, будто часть кладки изнутри сдвинули на несколько пальцев.

— Вот это уже странно, — признал он.

— И мне не нравится.

Каменщик не стал говорить, что я права во всём. Зато предложил показать похожее повреждение возле старой дороги. Там под слоем грязи действительно нашёлся ещё один раз-

лом, слишком ровный для обычного обвала. Я зарисовала его и попросила привести Ирву на следующий день.

Во второй половине дня мы отправились к повреждённому складу. Я снова измерила трещину и обнаружила, что она расширилась ещё на толщину пальца. Ворн немедленно запретил приближаться к стене. Круг, осматривавший кладку вместе с нами, подтвердил, что без опор внутрь входить нельзя.

Мы перешли к соседнему дому. Там жили двое пожилых тауров и их внучка. В комнате над очагом появилась небольшая щель, из которой сыпалась мелкая пыль. Я предложила перенести спальные места в нижнюю пристройку и установить временные подпорки.

— А куда девать вещи? — спросила хозяйка.

Мне показали узкий чулан, заваленный сундуками. Я увидела, что люди уже пытались переставлять мебель: на полу остались длинные царапины, у одной стены лежал разбитый горшок.

— Сколько вам нужно места для хранения? — спросила я.

— Много. Сын приедет весной, у него трое малышей.

Вот почему нельзя решать вопрос, просто убрав часть вещей. Мы с Нерой — она поехала с нами после согласования с наставником — сделали быстрый эскиз лёгкой разборной полки. Брум предложил поставить её над сундуками. Хозяйка сразу возразила, что до верхних досок внучка не дотянется.

— Тогда нижние места для частого, верхние — для зимних вещей, — сказала я.

Мы ещё долго спорили о том, что кому удобнее. В конце у хозяйки оказалось место для сундуков, у внучки — отдельная полка, а у меня — список из пяти замечаний к проекту. Никаких чудес. Просто работа.

Под вечер местные каменщики провели нас к старому фундаменту. Один участок подвалов был засыпан землёй, другой — заложен камнем. На внешней стене сохранилась выцветшая метка, напоминающая знак из земного письма.

Ирва присела возле неё и провела рукой по воздуху. Линия слегка дрогнула.

— Здесь когда-то работала магия, — сказала она.

— Давно? — спросил Ворн.

— Достаточно давно, чтобы след почти исчез. Но часть контура до сих пор связана с севером.

Мне стало холодно, хотя ветер стих.

— Значит, отклик мог пройти через это место к складу?

— Возможно. Нужны измерения.

Когда мы вернулись в гостевой дом, Эда встретила нас мисками густой похлёбки и не дала начать разговор до тех пор, пока мы не съели хотя бы половину.

— Роггард прислал умников, — буркнула она. — А кто будет их кормить, если они сами не умеют?

Брум взглянул на меня поверх ложки. Я сделала вид, что мне очень интересна собственная тарелка.

После ужина к общей печи подтянулись соседи. Дети спорили о том, кто первый увидел наших воинов, взрослые расспрашивали, зачем нам столько бумаги, а мы пытались отвечать так, чтобы не обещать невозможного. Один мальчик попросил показать рулетку. Я разрешила, но предупредила, чтобы он держал металлический край. Он аккуратно вытянул ленту и измерил свою скамью. Потом повернулся к отцу и объявил, что если её укоротить, там поместится ещё один человек. Отец рассмеялся. Я подумала, что никакой другой профессии не выбрала бы даже в мире, где мебель бывает такого размера.

Ночью в коридоре кто-то долго спорил о том, стоит ли закрывать старую дорогу навсегда. Один голос был сердитым, другой — испуганным. Мне хотелось выйти и объяснить, что

мы пока ничего не решили. Я осталась в комнате. Их право тревожиться не исчезало только потому, что я могла нарисовать план.

Глава 12. Дом, где никто не помещается

В гостевом доме Эды было пять разных видов неудобства.

Первый — дверные проёмы: почти все отличались по высоте, будто строили их пятеро мастеров, не знакомых друг с другом. Второй — лестница, на которой каждый третий шаг был шире остальных. Третьей была умывальная: Ворн в ней едва разворачивался, а до умывальника я едва дотягивалась. Четвёртый — кровать Брума: она выдержала его вес, но проиграла спор с его ростом. Пятый — кухонный стол, занимавший единственный проход к печи.

Эда считала всё это особенностями дома.

Дом Эды ночью менял характер. Днём это была шумная гостиница, где люди приносили мешки, ставили сапоги под лавками и ругались из-за места у печи. Ночью слышались шаги по старым доскам, потрескивание стен и далёкие голоса тех, кто всё ещё работал на дороге. Мне не удавалось привыкнуть к тому, что даже отдых здесь зависел от того, как устроено пространство.

Ещё в первую ночь я попыталась найти тихий угол для чертежей и заняла маленький стол у окна. Через десять минут выяснилось, что именно через это окно хозяйка проверяет, не ушли ли дети к реке после темноты. Она попросила меня подвинуться. Я возмутилась, что стол стоит слишком близко к проходу. Эда невозмутимо ответила, что этот стол стоял здесь ещё до моего рождения, а значит, у него больше прав на место.

— Возраст — плохой строительный расчёт, — сказала я.

— И всё же я прожила достаточно, чтобы не падать через собственные стулья.

Пришлось признать, что она тоже знает свой дом. Мы вместе переставили стол так, чтобы у окна осталось свободное место. Эда посмотрела на результат и сделала вид, что ничего не изменилось. Но на следующий день поставила рядом второй светильник.

Брум после первой ночи на узкой кровати выглядел так, будто сражался со стенами. Ворн предложил уступить ему собственное место, но Брум отказался: после долгих лет, когда все считали его слишком большим и неуклюжим, ему не хотелось снова становиться проблемой для других.

Я предложила сделать временное деревянное основание для широкого матраса. Местный плотник пообещал принести доски к вечеру, а до тех пор Брум упрямо уверял, что ещё одну ночь переживёт.

Утром, когда я в очередной раз оступилась на лестнице, Эда поймала мой взгляд.

— Простояла восемьдесят лет, — сказала она, когда я показала ей разницу в ступенях.

— И ещё простоит.

— Наверное. Только я за утро дважды оступилась.

— Смотреть под ноги надо.

— На такую ступеньку — особенно.

Она сунула мне корзину с хлебом.

— Раз уж видишь, где плохо, отнеси это к обеду и не застрянь в дверях.

Я сделала, как велели. Эда напоминала Гарри, если бы Гарри однажды решила оставить замок и открыть дом для людей, которых можно бесконечно воспитывать.

После завтрака Брум принёс из своей комнаты сломанную перекладину кровати.

— Я не специально, — сообщил он.

— Не сомневаюсь.

— Сел на край, чтобы снять сапог. Она треснула.

Я проверила древесину.

— Здесь старый надлом. Кровать сломалась бы под первым крупным гостем.

Брум покачал треснувшую перекладину, проверяя, где она ещё держится.

— Я и есть первый крупный.

— Значит, тебе досталась честь выявить дефект.

Крог, который проходил мимо, остановился и забрал перекладину.

— Сделаю новую. Шире. Не ждите, пока сам дом признает, что не годится.

Он ушёл, прежде чем я успела напомнить ему, что это ровно то, что говорила с утра.

Брум проводил его благодарным взглядом.

К вечеру Крог и местный плотник поставили широкое основание и заменили сломанную перекладину. Брум наконец смог выпрямить ноги. Его благодарность была такой торжественной, что я смутилась.

— Здесь всего четыре новые доски, — сказала я.

— Для вас четыре доски. А для меня первая ночь без боли в спине.

На следующее утро Брум сам помог устроить удобное место для одного из старых жителей, которому трудно было вставать с высокой лавки. Я увидела их вдвоём у печи и подумала, что полезные изменения распространяются гораздо быстрее, если человек успевает почувствовать их на себе.

К обеду к нам пришла Эда со старым ключом. Он был тяжёлым, ржавым, с необычно широкими зубцами.

— Нашла в сундуке, который остался от мужа, — сказала она. — Вы спрашивали про старый перевоз. Там у дороги раньше стояла ещё одна станция. Говорили, что человек мог выйти не там, где вошёл. Я в это никогда не верила.

Ирва немедленно попросила показать, откуда ключ. Эда подвела нас к кладовой под лестницей. В старом деревянном ларе лежали письма, квитанции, поломанные пряжки и несколько медных колец. Я осторожно перебрала бумаги. Среди них оказалась ветхая опись строений, составленная поколение назад.

Одна строка заинтересовала меня: «помещение под нижней площадкой, проход закрыт». На современных планах никакого помещения там не было.

— Почему закрыли? — спросила я.

— Муж говорил, что по приказу гарнизона. Потом гарнизон ушёл. Кому теперь знать?

Ворн взял документ, прочитал печать и попросил разрешения переписать его для архива. Эда пожала плечами.

— Берите. Только верните ларь. Я в нём картошку зимой храню.

Я засмеялась и вспомнила, что не всё в мире обязано быть древним секретом. Иногда старый сундук — просто хороший сундук.

Вечером мы сидели у общей печи. Брум чинил ремешок своей сумки, Ворн обсуждал с проводником дорогу, а Крог чертил новые опоры на коленях. Эда рассказывала о зимах, когда тракт заносило под крышу и люди ночевали друг у друга по несколько семей.

— Тогда мне казалось, дом маленький, — сказала она. — А теперь слишком большой. Мужа нет, дети разъехались. Всё пустует.

Я не стала говорить, что можно перестроить комнаты. Не каждую печаль исправишь подвижной перегородкой. Иногда человеку нужно просто закончить фразу, которую давно некому было сказать.

Позже, когда Эда вышла за водой, я предложила Бруму набросать более удобную схему гостевого дома.

— Мы ведь сюда не для этого приехали, — заметил он.

— Знаю. Но если у хозяйки когда-нибудь появятся деньги на ремонт, пусть будет с чего начать.

Мы сделали план на обороте старой ведомости. Тёплую воду можно было провести ближе к жилым комнатам. Стол — развернуть так, чтобы открывался проход. Ступени — выровнять. И ни одного обязательства, если Эда не захочет менять привычный дом.

Уже ночью за дверью раздался тихий стук.

Эда стояла в коридоре с нашим планом в руках.

— Вот здесь, — сказала она, тыча пальцем в кухню, — ты убрала большой стол. Куда девать гостей?

— Я его повернула. Смотри: он остаётся в комнате.

Она долго изучала рисунок.

— Хм. Повернуть, значит. Муж всё говорил, что стол надо другой. А можно было просто повернуть.

Я пожала плечами.

— Иногда так бывает.

Она сложила лист и ушла. Наутро стол действительно стоял поперёк другой стены. В доме стало легче пройти к печи. Эда никому не позволила это обсуждать.

Глава 13. Генерал на старой войне

О том, что Тарк прибыл, я узнала не от караула, а от Эды.

— Твой генерал во дворе, — сообщила она, поставив передо мной горячую чашку. — Мои двери опять не понравились.

— Он что-то сказал?

— Нет. Просто чуть рогами косяк не снёс. Посмотрел так, будто косяк виноват.

Я поблагодарила её и вышла наружу. Тарк стоял у повозки, слушая Ворна. На нём был походный плащ, широкий ремень с мечом и выражение человека, который приехал не для объятий. Увидев меня, он всё-таки протянул руку.

— Все целы?

Тарк всё ещё держал мою ладонь.

— Все, кого мы вчера видели. А ты?

— Да.

Я провела пальцами по его ладони и ощутила под кожей знакомое напряжение. Он не сразу отпустил.

— На дороге следы пепельной твари, — сказал он. — Одну заметили у старого карьера.

— Их давно здесь не было?

— Достаточно давно, чтобы местные перестали готовиться.

Ворн развернул карту. Красная отметка стояла между Кромкой и заброшенным перевозом. Наш маршрут как раз проходил поблизости.

— Сегодня туда не идём, — сказал Тарк. — Сначала разведка.

Я кивнула. Спорить было не о чем. Древняя магическая стена могла подождать, пока военные проверят дорогу.

После завтрака мы наблюдали, как отряд собирается к выходу. Ворн проверял ремни и запасные стрелы. Брум пытался помочь, но ему велели заниматься инструментами, и он обиделся настолько, насколько позволяла природная деликатность. Тарк задержался у повозки, поправляя крепление на левом запястье.

— Помнишь прошлый раз, когда был здесь? — спросила я.

Он посмотрел на северную дорогу.

— Помню.

Он не ответил сразу.

— Плохой вопрос?

— Нет. Просто ответ длинный.

Я не стала торопить. У наших отношений уже была история, в которой его молчание иногда значило «не сейчас», а иногда — «не знаю, как сказать». Я училась различать их, не изображая специалиста по чужим мыслям.

Отряд вернулся к полудню с раненым конём и двумя сломанными копьями. На дороге действительно встретили пепельное существо — что-то среднее между крупным волком и тенью с острыми костями. Я увидела его издали, когда воины вытаскивали тушу из ложбины. Даже мёртвое, оно выглядело так, будто лежит слишком близко к каждому, кто на него смотрит.

Местная девушка, помогавшая поить животных, не удержалась и подошла к краю двора. Ворн мягко, но твёрдо отвёл её к колодцу.

— Можно смотреть после того, как проверим, нет ли на нём острых осколков, — сказал он.

На этот раз никто не пострадал серьёзно. Тарк велел закрыть тропу и отправить патруль на дальние холмы. Я не вмешивалась в их работу, но после осмотра раненого коня попросила

Ворна перенести корм и воду ближе к стойлам. Животное не могло пройти через узкий двор, где стояли наши ящики.

— Ты даже после пепельной твари занимаешься мебелью, — заметил Ворн.

— Это ведро. Ему просто неудачно выбрали место.

Вечером Тарк наконец рассказал мне о той зиме, когда потерял здесь людей.

Мы сидели у низкой печи в маленькой комнате гостевого дома. Дверь была открыта, из кухни доносился голос Эды. Брум возился с инструментами на другом конце коридора. Никакой торжественной обстановки. Тарк снял тяжёлые перчатки и долго рассматривал старый шрам на запястье.

— Тогда я был моложе, — начал он. — Думал, если знаю дорогу лучше остальных, должен идти первым.

Я не перебивала.

— Здесь стояла старая застава. Мы получили приказ вывести жителей до наступления пепельных тварей. Дорогу знали плохо. Снег закрыл метки, а проводник заболел. Я решил идти сам.

— И?

— Ушёл слишком далеко вперёд. Я нашёл обход. Пока возвращался, часть обоза пыталась перейти старый каменный мост. Он рухнул. Мы успели вывести людей с края, но двое моих воинов остались под камнем.

Он произнёс последнее спокойно, словно сообщал дату и место. Я знала, что это не означает равнодушия.

— Мост был плохой? — спросила я.

— Да. Деревянные опоры сгнили. Мне докладывали, но я считал, что по нему пройдёт один обоз. Утром он держался.

Я посмотрела на его руки.

— Виноват был не только ты. Кто-то строил, кто-то не чинил, кто-то выдал приказ.

— Знаю. Но приказ перейти дал я.

Мы замолчали. За стеной хлопнула дверь, Эда прикрикнула на кого-то из поваров. Жизнь продолжалась и, как обычно, не интересовалась, удобно ли ей это делать.

— Когда ты идёшь туда, где я не могу помочь, мне это не нравится, — сказал Тарк спустя время.

— Знаю.

Он провёл большим пальцем по краю кружки.

— Но хуже — решить всё самому и снова пропустить чужое предупреждение.

Я достала из кармана нашу записку об условиях экспедиции. Ворн дал мне право останавливать обследование при опасности кладки. Круг мог требовать укрепления. Ирва отвечала за магические проверки. Никто не имел права продвигаться дальше, просто потому что очень хотел найти ответ.

— Значит, давай не забывать, зачем мы всё это написали, — сказала я.

Тарк прочёл лист, потом положил его на стол.

— Давай.

Он остался у меня до позднего вечера. Мы говорили ещё о многом: о кривом столе Эды, о слишком короткой кровати Брума, о том, что Круг уже поссорился с местными каменщиками.

Когда он поднялся уходить, я поймала его за запястье — за то самое, со старым шрамом. Тарк остановился.

Я не стала говорить, что мне жаль тех людей. Он и так это знал. Вместо этого прижалась губами к грубой полосе кожи. Под моими пальцами его рука напряглась.

— Алиса.

Я подняла голову.

В его лице не было ни благодарности, ни привычной сдержанной мягкости. Было что-то более резкое: желание остаться и понимание, что через несколько часов ему снова вести людей на опасную дорогу.

Он наклонился и поцеловал меня. Медленно только первые секунды. Потом ладонь легла мне на затылок, и в поцелуе появилось то, чего весь вечер не было в его голосе: страх, злость на прошлое, облегчение от того, что я здесь. Я ответила так же честно.

Когда мы разошлись, я всё ещё держала его за ремень.

— Тебе утром рано.

— Да.

— Ненавижу разумные решения.

— Знаю.

Он всё-таки ушёл в свою комнату. А я ещё долго лежала без сна, чувствуя на губах его поцелуй и думая, что близость не всегда означает остаться на ночь. Иногда — суметь уйти вовремя, когда утром от тебя зависят другие.

Раньше мне казалось, что сильный человек обязан знать, как справиться с любой бедой. Теперь я понимала, сколько он платит за право иногда сказать: «Не знаю».

Глава 14. Камень помнит

Старый тоннель обнаружили под заброшенной конюшней.

Я бы никогда не догадалась искать его там: снаружи здание выглядело обычным хозяйственным сараем, слишком низким для тауров и слишком широким для нескольких лошадей. Но Эда принесла ключ от подвала, а Круг нашёл под слоем глины гладкий каменный порог.

— Вот, — сказал он, постукивая молотком. — Его не сюда клали. Камень с другого карьера.

— И старше остальных, — добавила Ирва.

Мы стояли у входа в касках и плотных плащах. Тарк оставил с нами двух воинов, а сам проверял дальнюю дорогу. Ворн отвечал за подземелье. Он установил простое правило: никто не входит без разрешения и никто не остаётся внутри в одиночку.

Я попросила поставить у входа отдельного человека, чтобы он вёл список тех, кто спустился. Ворн молча поручил это одному из караульных. Я оценила.

Лестница уходила вниз под странным углом. Её ступени были слишком высокими для людей и слишком узкими для тауров. На третьей ступени я остановилась и показала Бруму трещину в креплении поручня.

— Держись за стену. Поручень может отойти.

Он тут же отступил, давая мне пройти первой. С такими маленькими вещами наша работа и была похожа на обычную архитектуру, несмотря на сияющие знаки.

Внизу пахло землёй и холодным металлом. Стены тоннеля состояли из больших плит, соединённых почти без раствора. Я провела ладонью по одной из них. Камень оказался гладким, будто его когда-то долго полировали. Над аркой шли три линии, сходящиеся к пустому круглому углублению.

Ирва подняла светильник.

— Это порталная метка.

Круг присвистнул.

— Чего же они всё закопали?

— Надеюсь, мы выясним, — сказала я.

Тоннель делился на два прохода. Один был засыпан. Другой уходил к большому круглому залу, но путь преграждала разрушенная перегородка. Мы остановились в безопасной части и начали измерения.

Работа шла медленно. Круг проверял камни на движение, Ирва отмечала остаточную магию, Брум записывал мои цифры. Через час у нас получился приличный план. Два раза пришлось вычеркнуть неверные размеры, потому что старая кладка обманывала глаз: стены шли не параллельно, и обычный прямой угол существовал только на бумаге.

— Они что, строили нарочно криво? — спросил Брум.

— Возможно, под существующий подземный ход. Возможно, под магический контур. А может, у древних мастеров тоже были свои Круги, которые говорили: «Я всегда так делаю».

— Я слышал! — донеслось из-за перегородки.

Я улыбнулась.

За шутками я едва не пропустила тихий хруст. Не громкий, не тревожный, просто короткий звук над головой. Потом на мой блокнот упала крупинка камня.

— Стоп, — сказала я.

Круг уже обернулся. Ирва погасила одну из медных линий.

— Всем назад, — приказал Ворн.

Один из молодых помощников, стоявший возле перегородки, шагнул не туда. Под сапогом у него поехал щебень. Он попытался ухватиться за выступ, но камень осыпался под рукой. Парень рухнул на колено с коротким вскриком.

Ворн подошёл первым. Я хотела броситься следом, но Круг перегородил дорогу.

— Не лезь. Если там пойдёт плита, нас завалит обоих.

Я замерла, удерживая себя за ремень сумки. Ворн осторожно подхватил помощника под руку и вывел к лестнице. Тот мог идти, хотя сильно хромал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.